

18+

Святослав Коровин

Быстрый мир: быстрые люди

Святослав Коровин

Быстрый мир: быстрые люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68509627

ISBN 9785005926487

Аннотация

Это фантастическая история о том, как в одном месте не в самый подходящий для этого момент встретились четыре человека: популярный рок-музыкант, его поклонница, девушка-блогер и профессиональный убийца. Они встретились и... оказались в очень странном мире, где все знакомо и незнакомо одновременно: пейзажи те же, а вот жизнь в них совершенно другая. Здесь нет электричества, здесь происходят локальные войны между местными, а над всем этим возвышается загадочный Дворец Вечных.

Содержание

БЫСТРЫЙ МИР: БЫСТРЫЕ ЛЮДИ	5
ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА КАНАЛ	5
НАСТРОЙТЕ ГИТАРУ	12
НАДЕНЬ ФУТБОЛКУ	19
БЕРИ НУЖНОЕ	26
ПРОХОДИТЕ	32
ВЫХОДИТЕ	40
ДЕВУШКА, ВЫ КУДА?	47
МУЖЧИНА, ВЫ КУДА?	55
СВЕРКНУЛА МОЛНИЯ	63
ГРЯНУЛ ГРОМ	73
СМЕРТЬ	81
КОМНАТА	87
ДОРОГА	97
ЛЕС	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Быстрый мир: быстрые люди

Святослав Коровин

© Святослав Коровин, 2024

ISBN 978-5-0059-2648-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЫСТРЫЙ МИР: БЫСТРЫЕ ЛЮДИ

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА КАНАЛ

– Итак, погода за окном великолепная! Конечно, если вы утка или карась. Хотя, наверное, уткам тоже не очень сейчас комфортно, все-таки, одно дело, когда вода под лапами, а другое, если она, в буквальном смысле этого слова, со всех сторон! Желая вам сохранить легкие и не эволюционировать в обратную сторону. До встречи сегодня вечером, если встретимся на концерте, а если нет, то просто знайте, я где-то рядом. Ну и, конечно, ждите следующий выпуск моего видеоблога – сегодня я беру интервью у Макса, и уже завтра вы сможете его увидеть! Подписывайтесь на канал, ставьте «палец вверх», делитесь видео с друзьями. С вами была РуГая!

Гая выдержала паузу, молча пялясь в объектив камеры, затем нажала на кнопку отключения записи и села на стоящий рядом с ней стул.

– Уф! – она была довольна собой. С первого раза записать концовку – это не шутка, но сегодня, видимо, особенный день, ведь вечером она идет на концерт Макса Канева!

Гая не выглядела на свой возраст, подписчики ее виде-

облога были уверены, что ей лет двадцать, однако паспорт говорил совершенно другое – тридцать один.

Тридцать один год и внешность девочки с ярко-красными волосами и огромными зелеными глазами. Она никогда не говорила о своем возрасте, а на все вопросы о нем честно отвечала, что ей уже можно покупать алкоголь и сигареты.

В ее квартире, являющейся одновременно и жилищем, и площадкой для записи видеоблога, половину одной стены занимало огромное зеленое полотно – почему-то так повелось, что именно вместо зеленого хромакея проще всего в видеоредактор подставлять разные фоны. Галя никогда не вникала в причины. Ну, раз у всех зеленый, пусть будет зеленый.

Противоположную от хромакея стену занимал книжный шкаф, содержащий в себе едва ли не все книги, модные и актуальные сегодня у молодых и стильных завсегдатаев острова Новая Голландия – есть такое место в Петербурге, куда ходят гулять молодые люди, причисляющие себя к творческой молодежи. Галя заключила договор с книжным магазином, расположенным на острове, и раз в неделю делала обзор книжных новинок, которые в качестве платы и оседали у нее на полках. Зачем ей это было нужно – она точно не знала, но с другой стороны, быть не просто блогером, а еще и книжным обозревателем – почетно, что ли...

Галя жила в маленькой квартире-студии на севере города. Ввиду небольших размеров жилища вместо кровати она ку-

пила себе диван. Добротный и со скидкой. Чтобы получить скидку, ей пришлось снимать один из выпусков своего блога прямо в магазине, сидя на этом самом диване.

Вообще, как считала Галя, квартира-студия – это одно из самых мерзких изобретений человечества. Находясь в ней, ты не понимаешь, то ли ты готовишь в спальне, то ли спишь на кухне. Хорошо, хоть санузел отделен от остального пространства, а то бы совсем нехорошо было бы – все-таки иногда к ней приходили гости!

На новое жилище видеоблогом заработать пока не получилось, а за студию спасибо маме и папе – в любом случае, здесь лучше, чем с родителями за стеной. Особенно, если они год за годом задают один и тот же вопрос: «Когда внуков ждать?».

Галя легла на диван, перегнала в ноут отснятое видео, вклеила его в готовый видеоролик и загрузила на Ютуб. Не прошло и минуты, как посыпались восторженные комментарии и лайки. Так было всегда. Личные, как их для себя назвала Галя, поклонники готовы, даже не смотря выпуска, расплескиваться в комплиментах. С одной стороны, не очень приятно, что им все равно, о чем она говорит в кадре, но с другой – их активность подстегивает других: пишите и нажимайте на «мне понравилось»!

Галины родители слабо понимали, чем занимается их дочь. Для них было все просто и понятно, когда она после университета три года работала менеджером по кадрам, а по-

том, вконец одурев от офиса, еще несколько лет занималась развозкой документов и небольших грузов. Да, она работала курьером. Благо, что был автомобиль. Автомобиль также купили родители. Гале было от этого не очень уютно – все-таки ей тогда стукнуло двадцать четыре, а в таком возрасте быть под опекой мамы и папы несколько зазорно.

Галины родители не только не понимали, чем занимается их дочь, они даже не особо понимали, что такое Интернет, и как можно что-то снимать и показывать людям без согласования. Правда, с кем и что Галя должна была согласовывать, они тоже сказать не могли.

Она была поздним ребенком в семье полковника. Отец всю жизнь отдал армии, а мама неустанно следовала вместе с ним. Сначала за молодым лейтенантом, которого советское министерство обороны каждые полгода переводило из гарнизона в гарнизон, потом за капитаном, майором и комбатом, подполковником и полковником, закончившим свою службу не где-нибудь, а на Дворцовой площади в Генеральном штабе.

Мама Гали постоянно была рядом с мужем. Если посмотреть карту всех из передвижений за время службы папы, то, получается, жили они во всей стране сразу: от Калининграда до Владивостока.

Их дочь родилась в Ленинграде, потом пару лет семья жила в Рязани, но, когда грянул путч, отца перевели в штаб. В те суматошные времена в любой сфере происходили уди-

вительные перестановки. В одночасье можно было взлететь до небес, а через день свалиться на асфальт, прижатым сапогом милиционера с наручниками на запястьях.

Галя прочитала несколько комментариев, потом налила чай и устала в окно. Дождь не стихал. Порывы ветра подхватывали капли и кидали их прямо в стекло, от чего картинка за ним размазывалась и искажалась.

Можно не любить дождь, но нельзя отрицать, что именно в дождь ты сталкиваешься один на один с природой. Настолько близко, насколько это вообще возможно. Если разобраться строго, то даже в дичайшую жару или снегопад улицы не пустеют, а вот дождь вымывает прохожих, загоняя их по домам или в кафешки. Есть в дожде что-то мистическое, что-то, что меняет твое сознание. Сидишь так на подоконнике, а за окном ветер шумит в деревьях и беснуются капли. И звук этих капель настолько близок тебе, что ты внутренне, даже не осознавая это, повторяешь за ним: «кап-кап, кап». Может быть, ты слышишь музыку планеты? Ту самую гармонию, которую так хотят найти композиторы.

Дождь – это симфония, имеющая свое неторопливое вступление, кульминацию с литаврами грома и красивую коду, когда сквозь пропитанное влагой небо пробиваются солнечные лучи, раскрашивая воздух в разные цвета. Радуга – природная голограмма. Настолько привычная, что не удивляет, но настолько величественная, что вызывает восторг.

17:00 – показали настенные часы. Значит, пора собирать-

ся. Галя сняла камеру с треноги, запаковала ее в сумку, в соседнее отделение сложила штатив, смотала провод микрофона и запихнула следом, застегнула молнии, огляделась: ничего бы не забыть!

Подойдя к двери, Галя натянула черные конверсы, закинула на плечо сумку с камерой и вышла на лестничную площадку. Щелкнув замком, она убрала ключи в карман джинсов и вызвала лифт.

Лифт, кряхтя, спустил ее вниз и, пройдя через просторный холл, она вышла в бушующий стихией вечер. Хорошо, что машина рядом с домом припаркована. Всего пару шагов, писк сигнализации, объехать водительского кресла.

Вставив смартфон в держатель, Галя включила навигатор и ввела адрес дворца спорта. Ехать полтора часа с учетом пробок, а, значит, есть время побыть наедине с собой и послушать музыку.

Двигатель «Ниссана» мерно заурчал, и чем-то похожий на дутую подводную лодку автомобиль вырулил с парковки. Включив «аварийку» и остановив автомобиль, Галя открыла бардачок и вытащила наугад один из десятка компакт-дисков, лежащих там.

Магнитола проглотила лазерный кругляшок, и салон наполнили звуки музыки.

Автомобиль вырулил на проспект и помчался в южном направлении. Капли барабанили по крыше и сползали по ветровому стеклу. Дворники работали на полную, а Галя утопа-

ла в гитарных пассажах и голосе любимого с детства Роберта Смита.

Сверкнула молния и грянул гром. Гроза была где-то прямо над головой...

НАСТРОЙТЕ ГИТАРУ

Автобус вывернул с проспекта и въехал на стоянку перед Дворцом Спорта Чемпионов. Дождь тарабанил по крыше, а Макс пытался проснуться. Он сидел в самом конце салона и пил кофе из термоса.

– Макс, ты как? – клавишник Денис отхлебнул минералки и повернулся к Максиму.

– Слушай, вроде, нормально. Знаешь, я даже рад, что тур заканчивается.

– Ага, есть такое. А помнишь, как мы играли первый концерт и радостно считали города, которые нам предстоит посетить?

– Я не сожалею обо всех этих городах. Но на будущее, все-таки, надо как-то менее интенсивно, что ли, ездить. Я половину городов только вот через это окно и видел.

– Ну, да. Изнанка популярности и востребованности, – Денис ухмыльнулся и показал большой палец, – крутые парни, которые страдают от своей крутизны!

– Старость не радость!

Группа Макса Канева два месяца была в дороге. Пятьдесят городов. Пятьдесят концертов. Пять стран.

Когда-то Максим мечтал о таком. В двадцать лет он собрал друзей-музыкантов и начал выступать. Сначала по маленьким клубам родного Петербурга, потом по маленьким

клубам окрестных городков, затем Москва, неожиданно Владивосток, очередной альбом, и, вот их называют одной из ведущих рок-групп страны. Как так вышло, Максим и сам не понимал. Десять лет безвестия, и вдруг резкий взрыв: фото на обложках журналов, интервью по телевизору, полные залы....

За десять лет существования как клубный артист, дающий концерты за пустяковые гонорары, Макс полностью перегорел к идее большой популярности. Когда ты десять лет стоишь на одном месте, это место становится родным. Ему просто нравилось петь и сочинять. И когда внезапно его песни начали звучать из каждого приемника, и повалили приглашения в другие города, он испугался. Испугался он того, что в одночасье меняется вся его привычная жизнь: пришлось уволиться с работы, что всегда страшно – деньги нужны почти каждый день, а стабильности дохода от музыки ждать не приходилось. Но он, суммировав обещанные гонорары, пришел к выводу, что, если дальше ничего не будет, год после тура он сможет жить, не особо думая о дополнительном заработке. А за год можно или записать новый альбом и вновь отправиться по городам, или устроиться на нормальную работу.

Автобус припарковался прямо у служебного входа. Водитель открыл двери.

– Ну, что, пошли, – гитарист Евгений, закинув на плечо чехол со своим инструментом, первым вышел наружу, – ой,

узнаю родной Питер, давайте быстрее во дворец, а то тут очень мокро.

Макс закрыл термос, пихнул его в рюкзак и пошел по проходу между кресел. Спустившись на несколько ступенек, он быстрыми шагами преодолел несколько метров, отделявших его от гостеприимно распахнутых дверей дворца спорта.

– Максим, здравствуйте, – в холле к нему подскочил Андрей. Андрей был неприятным типом с сальными волосами и излишним весом. Он отвечал за сегодняшний концерт, – По авансу все нормально?

– Да, Андрей, спасибо, деньги пришли. Как там по билетам?

– Почти все проданы. Но еще на входе, наверняка будут покупать. Ожидаем аншлаг.

– Дубовицкая будет?

– Кто? – не понял шутку Андрей, – А, ладно, не важно, давайте я вас в гримерки проведу.

Гримерка... Это место романтизировано и идеализировано донельзя. В фильмах гримерка рок-музыкантов похожа на филиал вечеринки, но на деле все совсем не так. Гримерка – это тихое место, где можно поболтать, выпить чая, подремать. Да, на больших фестивалях в гримерках творится черт-те что, но если ты единственный артист, выступающий в этот вечер, то именно это место становится для тебя форпостом тишины и уюта.

На группу выделили целых две комнаты – одну побольше

для музыкантов и маленькую – для Максима. Пока басист, клавишник, лидер-гитарист и барабанщик шумели в соседнем помещении, Максим в своей каморке молча смотрел в окно. Дождь лупил нещадно. Макс вспомнил те времена, когда они были совсем неизвестной группой, и дождь в день концерта мог стать причиной того, что зрители не приедут в клуб. Это же было совсем недавно! Как быстро и как странно летит время.

– Тук-тук, – Андрей открыл дверь и заглянул в гримерку Максима, – Забыл еще сказать. Сразу после концерта у вас возьмет интервью один очень популярный блогер. Я думаю, что уместнее всего это сделать именно здесь.

– Блогер?

– Ага!

– Популярный, говоришь?

– Очень.

– Ну, пускай берет. Я не против.

Андрей закрыл дверь, слышались его удаляющиеся шаги по коридору.

Через минуту одиночество Максима нарушил гитарист Евгений. Он, не стучась, вошел в комнату с гитарным кофром в руках:

– Макс, ты офигел совсем? Я что, должен твою гитару таскать? Зачем ты ее в автобусе-то оставил?

– Жень, прости, – Макс поднялся со стула, стоящего перед столом с зеркалом, – видимо, я совсем устал в дороге.

– Встряхнись! Это последний концерт тура! И мы должны порвать всех к едрене фене.

Максим взял кофр, положил его на стол и щелкнул замками. Внутри лежала потрепанная гастрольной жизнью акустическая гитара. Макс купил ее еще до того, как собрал группу. Несмотря на потасканный внешний вид, звучал инструмент очень хорошо, а потертости и мелкие сколы подчеркивали, что это не просто гитара, а настоящий боевой друг.

Достав «друга», Макс провел по струнам. Как и ожидалось, он в пути слегка расстроился.

– Помочь настроить, – Евгений протянул руку в сторону гитары.

– Издеваешься? – ухмыльнулся Макс, – я понимаю, что мне с тобой не тягаться в виртуозности, но настраиваю я, поверь, не хуже, чем ты.

– Только медленнее, – буркнул Евгений и вышел в коридор.

Включив тюнер, Макс подтянул струны и положил гитару обратно в кофр.

В дверь постучали:

– Максим, – раздался из-за двери незнакомый голос, – сцена готова, можете отстраиваться.

– Спасибо, – ответил Макс, закрыл кофр и вместе с ним вышел в коридор. Музыканты группы шли чуть впереди и что-то громко обсуждали. По отрывочным репликам было сложно понять, о чем они спорят. Да и, какая разница?

Попетляв по коридорам, музыканты вышли в зал. Поднялись на сцену.

Пустое пространство зала всегда выглядит меньше, чем тогда, когда оно заполнено зрителями. Трибуны сиротливо окружают поле перед сценой, а яркий свет совершенно не располагает к рок-н-роллу. И как тут поместится восемнадцать тысяч зрителей?

Пока барабанщик развешивал тарелки, клавишник спорил со звукорежиссером, а басист с гитаристом молча состраивались, Макс сидел на ступеньках, ведущих вниз.

– Вроде все готово, – послышался из динамиков, транслирующих звук на сцену, голос звукорежиссера, – давайте пробуем.

Максим, повесив на себя гитару, подошел к микрофону и ударил по струнам.

В это самое мгновение свет в зале потух, но через секунду снова включился.

– Что это? – спросил Максим в микрофон.

– Это гроза. Но вы не переживайте, на время концерта тут все будет работать от автономных источников. Сейчас, просто, мы к городской сети подключены, – ответил звукорежиссер.

– Ну, хорошо, коли так.

Музыканты сыграли одну из своих песен, и в тишине после финального аккорда Максим услышал раскаты грома. Видимо, гроза была где-то совсем близко. Возможно, что

прямо у них над головами.

НАДЕНЬ ФУТБОЛКУ

Рита знала о Максе, как ей казалось, все.

Макс родился в Челябинске, но очень скоро с родителями переехал в Ленинград. Учился в обычной школе на севере города, потом поступил в университет, где получил диплом социолога. Так себе профессия, думала Рита, и хорошо, что он не пошел работать по специальности. Социология никогда не привлекала ее. Что там интересного? Цифры, опросы, скучные графики и умное лицо с нарочитой и надуманной важностью. Верхом социолога, как ей думалось, было участие в каком-нибудь ток-шоу в качестве эксперта, которому микрофон дают на полминуты, и чьи слова вообще ничего не значат.

После университета Макс пошел работать программистом. Так вышло, что параллельно с учебой он осваивал компьютер и всевозможные интернет-технологии. Словом, он начал делать сайты.

Однажды Максим показал своему другу Евгению пару песенных набросков, а тот предложил сделать группу. Нашлись недостающие музыканты, и ребята стали выступать по клубам. Записали альбом, потом еще один. Но им не везло, радиостанции отказывались брать их песни, а никто из них ни черта не понимал в других способах раскрутки.

В прошлом году группа Макса Канева выпустила очеред-

ной альбом, и его прямо в день выхода услышал один влиятельный человек. Человек этот работал на радио и пользовался огромным авторитетом у журналистов. Собственно, благодаря ему песни группы зазвучали по всей стране.

Максим любил башкирскую кухню, картины Дали и фильмы Стенли Кубрика. Он никогда не был женат, да и вообще, человеком был замкнутым. Но если кому-то удавалось раскрутить его на беседу, беседа получалась интересной – Макс не только умел говорить, он очень много знал. Как он признался в одном из интервью, самые верные друзья для него – это книги.

Все это Рита по крупицам собрала в Интернете. Она скрупулезно собирала факты и сохраняла самые удачные фотографии музыканта. Одно время она хотела даже открыть сайт, где могла бы поделиться своими архивами, но передумала – пусть Макс будет только ее. Зачем вооружать конкуренток, ведь влюблена в него была не только она, но и сотни других девчонок по всей стране. О, эта наивная любовь к звезде! Но Рита четко знала, что именно ей удастся завоевать его сердце!

В свои восемнадцать Рита считала себя умнее сверстников. Пока ее друзья и подруги тусовались на квартирах с алкоголем или безрадостно зависали в социальных сетях, она читала книги из списка, который для одного из сайтов составил ее кумир: Пелевин, Саган, Айзексон, Гладов... Она училась готовить бишбармак и кыстыбый. Она поступила в ин-

ститут, где стала учиться на программиста. Она готовилась к встрече.

Рита узнала о Максе за несколько лет до того, как на его группу свалилась всеобщая популярность, но ей не было восемнадцати, и на концерты в андеграундные клубы ее не пускали.

Сегодня же все изменилось. Она совершеннолетняя, а Макс выступает вечером во Дворце Спорта Чемпионов. Это буквально через дорогу.

Ритин папа был главным архитектором дворца, у него сохранились самые подробные планы здания со всеми выходами, коммуникациями и прочим. Она уже как-то ночью пробиралась во дворец и знала, как будет действовать сегодня. Упустить такой шанс, было бы преступлением, ведь вечером состоится последний концерт тура!

Рита верила в свои чувства, она верила, что у них с Максимом обязательно все получится, что она – это та единственная, которую, как он сам сказал неделю назад на радио в Воронеже, он еще не нашел:

«У меня были романы, я даже несколько лет жил с одним человеком, но со мной сложно ужиться. Меня никто кроме родителей не ждет из тура, но это меня не пугает – я не буду с кем попало, и в конечном итоге звезды сойдутся, и та самая свалится, и в этом я уверен, как снег на голову» – эта фраза только укрепила веру Риты в то, что она задумала.

Девушка откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Пе-

ред ней на столе горел экран ноутбука. Всю ночь она читала о Максе и его предпочтениях, штудировала интервью, пересматривала видеофрагменты из фильмов и слушала музыку. Хотелось спать, но, с другой стороны, какое-то отнюдь не легкое волнение не дало бы ей заснуть. Наверное, надо выпить еще кофе.

Пройдя на кухню, Рита включила чайник. Часы над обеденным столом показывали восемь часов утра. Она встала у окна, облокотившись руками на подоконник. С высоты двадцатого этажа утренний город смотрелся и вовсе пустынным. А еще и тучи на горизонте. Наверняка будет дождь.

Рита была высокой и стройной девушкой с черными прямыми волосами, спадающими ниже плеч и огромными карими глазами. Она следила за своей фигурой и два раза в неделю ходила в спортзал. Как ей казалось, любовь к Максиму сделала из нее ту красотку, которой она стала. Ведь еще года четыре назад она ненавидела себя – полненькую, нелепую, с копной разлохмаченных волос и неправильным прикусом. А потом ей захотелось стать идеальной.

– Макс, тебе нравятся блондинки или брюнетки? – вспомнился ей вопрос из одной передачи.

– Блондинки мне кажутся слишком уж воздушными, а брюнетки... Они манят к себе своей хорошей приземленностью, что ли! Особенно кареглазые, – ответил в том интервью Максим.

Пискнул чайник. Рита насыпала ложку кофе, залила его

кипятком и бросила в кружку пару кубиков сахара. Сев на подоконник, она закурила. Ее силуэт на фоне утра смотрелся чересчур уж картинно. Знаете, наверное, в интернете любят подобные картинки: девушка курит на подоконнике с кофе, а внизу подпись, типа «Я сижу на подоконнике, смотрю на дождь и думаю о нем».

– Доброе утро, – услышала Рита голос матери, – ты так и не ложились?

– Не заснуть, – Рита раздавила окурок в пепельнице.

– Ты бы хоть футболку надела, а то увидит кто снаружи.

– Мама, двадцатый этаж...

На Рите из одежды были только лишь небольшие черные трусики. Ее мама привыкла к такому, и когда отец был в командировке, позволяла дочери эту чудаковатость. Но, как говорится, для порядка ворчала.

– Ну, значит, замерзнешь.

– Это да... – Рита поежилась, поставила кружку на подоконник и пошлепала в комнату. Действительно было нежарко. Хотя, может быть, это от того, что она не спала?

Открыв свой комод, она достала ворох футболок. Какую же надеть? Вот футболка с обложкой альбома группы Макса, вот с его фото, вот с логотипом его группы... Нет, наверное, это перебор. Лучше выбрать что-то менее явное. Например, с фотографией Роберта Смита из английской группы «The Cure». Говорят, Макс любит эту группу. Рита ради интереса решила послушать и абсолютно искренне влюби-

лась в песни этого британского «нытика и истерика» с копной черных волос на голове.

Рита включила музыку, забрала с кухни кофе и вновь села за компьютер. Очень странное чувство... Вот так вот она готовилась... Она готовилась несколько лет, и при этом она прекрасно понимала, что, возможно, ничего не получится. Но глупо не попробовать. Именно с этого дня либо закончится ее детство, либо продолжится. Детство, превратившееся в сказку.

Станет ли трагедией то, что Макс отвергнет ее? В каком-то смысле да. Вряд ли она сможет продолжать быть его поклонницей. Придется раз и навсегда вычеркнуть его из своей головы и души. Это ее решение. Тут, как говорят, пан или пропал.

Ее мать сначала беспокоилась, когда Рита сказала ей, что выйдет замуж за Максима, потом начала бить тревогу, узнав, что она всерьез готовится к этому, даже пыталась записать ее к психологу. Но потом они просто поговорили:

– Мама, не беспокойся, если он попросит меня уйти, я уйду. Мне будет тяжело, но не настолько, чтобы что-то с собой сделать. Сейчас он как мой учитель, через него я познаю интересный мир, и если нам не суждено быть вместе, у меня останется только благодарность к нему за то, что он уберет меня от ошибок юности...

– Но он отнял твою юность!

– Нет, он сберег мое детство, своими песнями и голо-

сом он уберег меня от пьяных дебошей, раннего взросления и безделья. Я красива, я умею готовить, я умна. И все это из-за него. Если мы будем вместе, я буду счастливее всех, если нет, я все равно останусь Ритой – отличной девушкой, и, может быть, встречу другое счастье.

– Ох, дочка. Даже не знаю, что сказать тебе. Надень футболку, а то прохладно сегодня.

БЕРИ НУЖНОЕ

За окном лил дождь. Серое небо нависало прямо над домами. Типичная картина для города, прославившегося на всю страну своим ужасным характером, помноженным на архитектурное великолепие и славу Культурной столицы.

Характер Петербурга возрос на болотах, был подпорчен революциями и блокадой – город с посттравматическим синдромом и верой в собственную исключительность. Его улицы и дворы воспеты поэтами и музыкантами, сюда мечтают переехать романтические девушки и юноши. Попав сюда впервые, ты восхищаешься архитектурой, прожив здесь несколько лет, ты перестаешь ее замечать, но уехать отсюда уже не можешь – что-то меняется в тебе раз и навсегда.

Мефодий стоял у открытой балконной двери, сложив руки на груди. Огромный мужик с крупными чертами лица и бритой головой. Военные ботинки, черные джинсы, кажущаяся неряшливой куртка темно-зеленого цвета, в одной руке пистолет, в другой смартфон.

– Отпустите меня! – объект за спиной Мефодия в очередной раз подал голос.

Объект находился в дальнем углу комнаты. Его руки и ноги были привязаны к стулу, на лице была кровь.

Мефодий старался не ассоциировать объекты с людьми. Так легче выполнять свою работу. Если думать о них, как

о людях, можно сойти с ума от того, что ты делаешь. Даже если ты сто раз прав, превращение объекта в человека может сделать тебя нерешительным и, как следствие, уязвимым. Этому он научился в армии.

После того как Мефодий в двадцать два года застрелил первого человека, у него случилась истерика. Он сидел под деревом и плакал.

– Ты сделал свою работу, – успокаивал его тогда майор Бородихин, – и сделал ее хорошо.

– Но он же... Его же кто-то ждал. Семья...

– Прекрати. Здесь война. Это не люди, это цели. Да, иногда они становятся средством для достижения целей, но не больше. Пойми это. Для каждого из них ты фигура в тире, и тебе нужно научиться видеть в них только мишени. Ты не знаешь их, и после того, как выполнишь приказ, ты никогда не узнаешь, кто будет по ним плакать.

Мефодий в очередной раз вспомнил этот диалог и молча отошел вглубь комнаты.

– Отпустите меня, я дам вам денег, я покину страну, я...

– Заткнись лучше, – Мефодий сел перед объектом на корточки, – я жду звонка. И, поверь, не от меня зависит, что с тобой делать. У меня нет интереса в том или ином исходе, я исполнитель.

Мефодию было сорок два. Пятнадцать лет он отдал армии. Призывался срочником, заключил контракт, попал в Отряд, исколесил весь Ближний Восток и Африку, комис-

совался после ранения. Потом...

Потом жизнь повернулась совсем неожиданной стороной. В первый же месяц после увольнения он столкнулся с проблемой, что не может жить так, как живут обычные люди. Кто-то называет это синдромом комбатанта, но он был уверен, что он солдат по призванию, а мирная жизнь – это не его стихия. Совсем.

Ему было сложно общаться, оказалось невероятно сложным завести отношения, и еще более сложным сохранить брак – эту миссию он провалил. Его жена Катя боялась его. Она боялась его многодневного молчания, боялась, когда он, приходя с работы, по нескольку часов лупил боксерскую грушу, а потом дежурно занимался с ней сексом. Именно, что не любовью, а совершал обыденный, вполне конкретный и до анатомических подробностей выверенный, половой акт.

Катя долго готовилась к уходу, а потом просто исчезла, оставив записку, в которой просила не искать ее. Да он и не стал бы этого делать. Зачем возвращать ту, что ушла. Это то же самое, что возвращать дезертира и надеяться, что он успешно продолжит службу.

После ухода Кати он попал в одну неприятную историю, вынужденно вступившись в одном из ресторанов за, как ему казалось, слабого.

Но слабый этот был слаб только телосложением. Он оказался одним из самых влиятельных людей, властвующих над изнанкой города. Он-то и предложил Мефодий работу. Ра-

боту, которая вернула его в строй. Пусть это возвращение произошло только у него в голове, но Мефодию от этого стало жить легко и понятно. Вот он, а вот цель. Объект для разработки, объект для достижения, объект-помеха.

– Вы убьете меня?

– Не буду врать, пока не знаю. Жду звонка. Но, скорее всего...

– Нет, не надо, не н...

Мефодий одним движением впихнул в горло объекта кляп. В ту же секунду зазвонил телефон.

– Да, слушаю.

– Кончай его и выходи во двор с поднятыми руками. Его смерть не навредит тебе, а вот, если он выживет, будет только хуже.

– Что значит, выходить с поднятыми руками?

– Ты отлично выполнил свою работу. У тебя есть вариант застрелиться самому, но ты не будешь этого делать. Ты перестал быть нам нужен. Ты знал, что это рано или поздно случится.

Мефодий молча отключил телефон, выстрелил в голову объекта и, крадучись, подошел к окну.

Он не знал, видно ли его снаружи, так как встал у самого его края. Но, несмотря на ограниченную видимость, Мефодий смог заметить на общем балконе третьего этажа соседнего дома странное движение. Что-то не свойственное, что-то, что могло нести угрозу. Сев на пол, Мефодий достал из кар-

мана маленькое зеркальце. В углу комнаты стояла швабра. Мефодий, пригнувшись, добрался до нее, примотал к ее черенку пластырем, также извлеченным из кармана, зеркальце и с этой конструкцией подполз к открытой балконной двери.

– Не думай о том, что тебе понадобится. Думай о том, что может понадобиться, – так его учил Бородихин, – бери с собой на задание не только необходимое, но и нужное...

Мефодий аккуратно поднял швабру над собой. В ту же секунду зеркальце разлетелось на осколки. Выстрела слышно не было – человек на балконе противоположного дома использовал глушитель.

Наверное, если бы Мефодий не знал, что он хотел увидеть, он бы не разглядел за мгновение до выстрела двух человек, которые, несмотря на дождь, стояли посреди двора внизу. Но он знал, что они там. Вопрос был только в их количестве.

Итак, как минимум трое. Стрелок на балконе и два бойца во дворе. Наверняка есть и четвертый, который сидит за углом в машине со включенным мотором.

Мефодий осмотрелся. В комнате, где он находился, помимо объекта на стуле были кровать, книжный шкаф, стол и гладильная доска с утюгом на ней.

С утюгом.

Утюг.

Пнув ножку, он повалил доску на пол. Утюг грохнулся рядом.

Подтянув его к себе за сетевой шнур, Мефодий задер-

жал дыхание, нащупал короткоствольный «УЗИ» под курткой, проверил, не поставлен ли пистолет на предохранитель, и стал считать:

– Раз, два, три...

Резкий бросок, взмах, утюг летит в оконное стекло, за окном грохочет гром, стекло брызжет осколками, где-то рядом пролетает пуля, а Мефодий перепрыгивает балконную решетку. В свете вспышки молнии кажется, что он зависает в воздухе, но через мгновение обрушивается вниз...

ПРОХОДИТЕ

Пробка была позади. Галя свернулась с навигатором и вырулила на одну из боковых улиц, пересекающих проспект.

Новые районы Петербурга очаровывали ее гораздо больше, чем центр. Исторические места города казались ей совершенно неинтересными – все эти старые здания, растиражированные в открытках памятники... Было в них что-то неестественное. Они походили на старух, на чьи сморщенные лица нанесен огромный слой пудры и румян: цвет был юношеским, а фактура пугала своей древностью.

В новых же районах чувствовалось время. Новостройки своей угловатостью рифмовались с окружающей действительностью. Бешеные темпы строительства только подчеркивали современный темп жизни.

Дворец Спортa Чемпионов отстроили всего за два года. Он стал своеобразной эмоциональной доминантой этой части города. Его гордостью и центром притяжения. Стекло, сталь, бетон и неоновая подсветка. Космический корабль в центре футуристического настоящего.

Дождь не ослабевал. Дворники разгоняли воду по ветровому стеклу, от чего рождались небывалой красоты световые искажения. Если бы Галя была менее опытным водителем, то, скорее всего, сегодня предпочла бы ехать на метро. Но десять лет за рулем позволяли ей не просто видеть доро-

гу, но и чувствовать, предугадывать и распознавать ее мельчайшие нюансы.

На подъезде ко дворцу Галя сбавила скорость и стала высматривать место, где припарковаться. Можно, конечно, попытаться счастье и свернуть во дворы, но уж больно не хотелось вечером после концерта плутать по незнакомым кварталам.

– Так, попробуем здесь, – Галя аккуратно поставила машину между двух легковушек. Ловко развеяв миф о том, что параллельная парковка не женское дело, она заглушила мотор.

До концерта еще полчаса, значит можно быстренько перекусить. Вон, там стоит ларек с хот-догами. К слову, наличие разного рода точек по продаже готовой еды выгодно отличает окраины от центра. На Невском, например, проголодавшись приходится идти в очередное сетевое кафе с конвейерной готовкой, очередями и ценами, явно несоответствующими реальной стоимости предлагаемых блюд.

На заднем сидении лежал зонтик, но брать его не было смысла. Идти на концерт с зонтом – это уже перебор.

Галя вылезла из салона, пикнула сигнализацией и быстрыми шагами двинулась к торговой точке. От ларька пахло теплом и сдобой.

– Можно сосиску в тесте?

– Вам подогреть?

Через минуту девушка сидела под навесом автобусной

остановки. Дождь тарабанил по пластиковой крыше, где-то вдалеке сверкнула молния.

Когда-то американский художник Энди Уорхол сказал, что в будущем у каждого будут свои пятнадцать минут славы. Он оказался прав – с развитием технологий стало очень просто презентовать себя всему миру. Ты снимаешь видео, выкладываешь в интернет, и вот ты уже часть медиа. Если ты снимаешь интересно, то тебя смотрят, потом смотрят твои следующие видео – ты становишься, как говорят сейчас, известным блогером. Вот, ты достигаешь миллиона просмотров, тебе начинают заказывать рекламу, тебя узнают на улицах... А вне монитора чужих компьютеров ты сидишь на остановке и ешь дешевый хот-дог. Ты ничем не отличаешься от тех, кто смотрит твои сюжеты. Только ты не испугалась безумной идеи, которая пришла к тебе по пути домой с дружеской посиделки, ты ухватила за нее, рискнула, и у тебя получилось.

Кто-то говорит, что блогеры – бездельники, не представляющие из себя ничего путного. Мол, сидят перед камерой, несут несусветную чушь и купаются в собственном мнимом великолепии. Но часто ли те, кто говорят это, задумываются о том, почему блогеров смотрят? Почему зрители остаются с одним, а у другого не получается набрать и сотни просмотров?

Галя поначалу даже не пыталась вникать в то, как это работает. Аудитория появилась сама собой. Поначалу она про-

сто рассказывала о жизни, сидя на фоне шкафа и снимая себя на смартфон. Почему-то ее истории и рассуждения оказались интересными людям, а внимание – это льстит. Его же отсутствие вызывает ломку. Когда вдруг ее видео стали смотреть меньше, она забеспокоилась: как так? И здесь нужно было решать, либо учиться делать качественные и интересные выпуски и продвигать их, либо забросить это дело. Тогда-то она и купила хорошую камеру и скачала видеоуроки монтажа...

– О, вы же РуГаля, – услышала Галя девичий голос, – Можно с тобой сфотографироваться?

Галя не успела ничего ответить, как на скамейку рядом с ней плюхнулась какая-то девушка в мокрой кожанке, достала телефон и сделала селфи.

– Я смотрела сегодняшний выпуск! – девушка еще раз нажала на кнопку съемки, – Меня Нина зовут, я тоже на концерт иду!

– Очень рада за вас, – проглотив последний кусок сосиски в тесте, ответила Галя, – хорошо отдохнуть вам!

Девушка исчезла также быстро, как появилась. Гале, конечно, было приятно ее внимание, но такое беспринципное вмешательство в личную жизнь, частью которой является, в том числе и поедание дешевого хот-дога, несколько обескураживало.

В кармане завибрировал смартфон. Пришло уведомление, что ее отметили на фотографии в социальной сети. На-

до же, какая она быстрая! Как раньше говорили, утром в газете – вечером в куплете! Галя пару секунд смотрела на свою фотографию с упорхнувшей в дождь девушкой. Даже неплохо получилась, ставим лайк, пусть ей будет приятно!

Дождь понемногу начал стихать, однако было понятно, что это временное отступление. Но им стоило воспользоваться. Галя быстрыми шагами перешла перекресток и встала напротив Дворца Чемпионов. Он действительно был прекрасен! Вблизи дворец смотрелся настоящим гигантом. Похожий на огромную летающую тарелку с торчащими вверх мачтами, на концах которых мигали разноцветные огоньки – он был великолепен!

Гале нравилась современная архитектура. Конечно, не все, но ведь и в старой части города далеко не каждое здание восхищает впечатлительных туристов.

Возле входа толпились люди. Сложно понять, сколько их. Может быть, тысяча, может, больше.

Достав смартфон, она набрала номер, присланный ей по почте несколькими днями раньше:

– Алло, – отозвались на другом конце, – слушаю.

– Здравствуйте, это Галя Антонова.

– Кто?

– Ну... – Гале почему-то вне видеороликов было неудобно представляться псевдонимом, – я блогер, у меня сегодня интервью с Максом.

– А, РуГаля?

– Уф, – выдохнула Галя. Ее очень порадовало, что собеседник сам произнес ее ник, – да, она самая! Я сейчас недалеко от входа. Тут люди стоят. Мне куда?

– Обойдите дворец, и прямо с противоположной стороны я вас встречу.

– Ого! – Галя убрала смартфон во внутренний карман куртки, – да он огромный, как Юпитер!

Неожиданно сверкнула молния и прямо над головой громынуло. Громынуло так, что завизжали сигнализации припаркованных рядом машин. А через мгновение дождь будто бы с удвоенной силой обрушился на головы собравшихся у дворца меломанов.

Галя побежала вдоль здания. Периодически она, едва не налетев на очередного фаната группы Макса, суетливо извинялась и неслась дальше.

– Галина! – окликнули ее из открытого дверного проема.

Галя, ежась от капель дождя, прокрававшихся сквозь копну волос за воротник, влетела внутрь здания.

– Здравствуйте, это вы мне звонили, – улыбнулся ей пухлый человек с сальными волосами, – меня Андреем зовут.

– Ага.

– Вот вам пропуск за сцену, – Андрей протянул ей заламинированный картонный прямоугольник с датой концерта и надписью «Везде», – простите, веревочки не хватило, в карман спрячьте, охраннику слева от сцены покажете. Как зазвучит финальная песня, идите за сцену. Вас проведут

в примерку.

– Ага.

– Ну, все, хорошо провести время на концерте и удачного интервью.

– Ага...

Андрей молча указал ей направление по коридору, а сам пошел в противоположную сторону.

Да, наверное, непросто быть организатором больших мероприятий. Все тебе звонят, каждому что-то нужно от тебя. И быть ты должен везде. И сразу.

Пройдя по коридору, Галя оказалась в просторном холле перед дверьми в зал. Двери еще были закрыты, и в холле было тесно от распевающих песни ждущих встречи с кумиром молодых людей и девушек.

Когда двери распахнулись, зрители ринулись к сцене. Скорости и прыти некоторых наверняка позавидовали бы многие профессиональные бегуны – эйфория и ожидание чуда делают невозможное с человеческими способностями.

Галя встала в центре зала у пульта звукорежиссера. Как она сама решила, звуком будут рулить именно отсюда, а, значит, здесь он будет самым лучшим. Достав из сумки камеру, Галя сделала несколько общих планов стремительно заполняющихся трибун: ускорить нужно будет при монтаже и вставить в видео с интервью.

Через несколько минут очень плавно начал гаснуть свет. Под свист и одобрительные выкрики зрителей ожил огром-

ный экран над сценой. На нем зажглась цифра 100. Через секунду она сменилась на 99...

Обратный отсчет – банальный, но всегда выигрышный ход. С его помощью буквально за полторы минуты можно завести толпу так, как не сможет ни одна группа «на разогреве».

На экране вспыхнул «0», и в то же мгновение сцена залилась красным светом. Музыканты с инструментами были уже там. Под ритмичное и воющее клавишами вступление на сцене появился сам Макс Канев с бубном в руке. Его движения были похожи на танец, хотя, конечно же, он не танцевал. Он двигался под музыку, пропуская через себя каждую ноту, подчиняя себя каждому удару барабана. В эти секунды Максим сам был частью музыки.

Огромные голубые в свете софитов глаза, безумная улыбка, взлохмаченные волосы и обезоруживающее обаяние:

– Привет, мы приехали играть музыку, а вы? – отбросив в сторону бубен и взяв со стойки гитару, выкрикнул он в микрофон. Зал взорвался громом приветственной овации.

ВЫХОДИТЕ

Максим шел по коридору дворца спорта. Рядом семенил Андрей:

– Так, как вам идея?

– Отвратительно, если честно.

– Об этом никто не узнает. Я имею в виду из обычных ваших поклонников. Плюс, согласитесь, деньги не лишние.

– Не в деньгах дело. Понимаешь, что сегодня... Именно сегодня мы закрываем тур. А ты предлагаешь завтра нам играть еще один концерт...

– Неужели все эти условности про финал тура так важны? Это же не громкое событие. Почти как на кухне для друзей поиграть.

– Важно то, что мы сами очень устали. Мы ехали сегодня с твердым решением отыграть и на пару недель забыть друг о друге. Считаю, отпуск...

Макс открыл гримерку, Андрей зашел следом:

– Но ведь не просто так, да и люди влиятельные.

– Андрей, – находясь в маленькой гримерке, Макс чувствовал себя защищеннее и мог говорить жестче, – я даже не спрашиваю, какие комиссионные ты получишь в случае нашего согласия! Но ты бы с нами объездил все эти города, ты бы посидел в автобусе, застрявшем в грязи посреди полей, ты бы повыходил на сцену с кошмарным звуком! Да, это

очень здорово, но мы просто устали!

– Один концерт. Далеко ехать не надо. Дача совсем близко к городу...

– Выйди вон!

Андрей, который уже лет десять работал с артистами, молча вышел в коридор – он совершенно не обиделся на Максима. Творческие люди известны своей экспрессией. Андрей не первый раз замечал, что музыканты позволяют себе больше, чем позволяет приличное общество или того требует деловой разговор. Андрей связывал это с тем, что в стране нет до сих пор культуры звездного статуса.

Если в огромном кинотеатре собрать всех звезд и показать им кино про то, как дебоширит в турах какая-нибудь западная знаменитость, чьи дебоши, скорее всего, спланированы пиарщиками и тщательно срежиссированы, то они, желая подчеркнуть свой статус, в поездках начнут творить черт-те что. В кино выкинули телевизор из окна? Чем мы хуже?!

Макс действительно был вымотан. Через час начинается концерт, а у него совершенно нет желания его играть.

Сев на стул, он налил себе стакан сока и залпом выпил.

Когда-то давно группа не выходила на сцену так, чтобы все музыканты были трезвыми. Сам Максим, бывало, не помнил концертов. Но со временем это ушло. Ушло, когда появилась ответственность перед зрителем.

Пару лет назад он последний раз позволил себе выпить перед выступлением. Потом он приложил огромные усилия

для того, чтобы те, кто снимали концерт на телефоны, удалили видео из социальных сетей – смотреть на качающегося человека, то и дело повисающего на микрофонной стойке и игнорирующего ноты, было действительно противно.

Максим ничего не имел против пьющих. Его музыканты могли себе позволить расслабиться после шоу, но сам Макс не любил полумер – он мог себе позволить алкоголь только по праздникам. Да и то, делал он это только из уважения к традициям. Что же делать, раз у нас столько традиций, завязанных на алкоголе!

В начале тура музыканты каждый вечер пили в туровом автобусе, но постепенно это сошло на нет: было сложно на следующий день быть в форме, и каждый раз становилось все сложнее...

– Ребята, я сегодня не буду, – как-то между Тамбовом и Иваново сказал гитарист Женька, – я сегодня еле выстоял концерт. Надо поспать, прийти в себя...

Через три дня они уже перестали брать бутылки в дорогу, а потом и вовсе прекратили рок-н-роллить.

– Я понял, – осенило как-то барабанщика Данила, – нам все ввали, что в туре идет веселуха каждый день. Мне кажется, что это придумывают для того, чтобы подороже нас рок-музыкантов продать. Мол, посмотрите, какие они... А попробовали бы за две недели восемь концертов отыграть. У нас впереди еще куча городов, а я выжат как лимон.

– Я тоже об этом думаю, – Макс хлебнул минералки, –

А есть те, кто пытаются соответствовать этому образу каждый день...

– Угу, и сидит в подвале, играя перед десятью такими же алкашами... Творчество творчеством, но мы же зарабатываем этим, а ты попробуй пьяным на работу явиться...

Макс встал с кресла и подошел к окну гримерки. С высоты город был прекрасен. Несмотря на то, что Дворец Чемпионов был на окраине, Максим вдруг почувствовал всю мощь Петербурга... Хотя, почему, несмотря? Может быть, наоборот, благодаря!

Новые районы дышат молодостью, здесь люди живут, здесь они каждое утро просыпаются, здесь растет новое поколение.

Центр Петербурга больше похож на аттракцион, где можно пощупать все то, фотографии чего любят публиковать в огромных альбомах и на открытках.

Сверкнула молния, где-то далеко послышались раскаты грома. Такое ощущение, что гроза гуляет вокруг дворца. Она то приближается, то вновь отходит. Словно выжидает чего-то.

Максим увидел толпу людей внизу. Люди прятались под зонтами и ждали, когда откроют двери. Он представил, каково им сейчас: мокро и холодно. В этот момент ему захотелось всех их обнять и искренне сказать спасибо за то, что они пришли.

Еще несколько лет назад на презентацию предыдущего

альбома Максим звал людей лично: писал каждому, напоминал, просил привести друзей. А сейчас весь город в афишах, реклама по радио... Если раньше он знал половину пришедших в клуб, то сейчас такое сложно представить – вряд ли у него набралось бы столько знакомых, чтобы заполнить хотя бы десятую часть двадцатитысячного Дворца Спорта. Самое интересное, что сегодня придут на концерт и те люди, которых он когда-то звал в клубы на выступления, но они никогда не доходили. А сегодня дойдут – успешных любят!

В гримерку зашел Женя:

– Макс, все хотел спросить... А зачем тебе отдельная гримерка? Почему ты не со всеми?

– Это банально, но мне хочется побыть одному. Я сильно устал за тур, и мне нужно просто настроиться.

– Мне кажется, что это банальная отговорка. Мне казалось, что в группе мы все на равных. Вообще-то мы с тобой ее придумали. Я понимаю, когда ты один светишься по телевизору и на радио, но зачем в бытовом плане отделяться? Это для зрителей ты лицо группы, но ты прекрасно знаешь, что ты без нас...

– Да, я знаю, – Макс перебил гитариста, – я знаю, что без вас я бы в жизни не достиг всего этого. И эта отдельная гримерка... Блин, предложили, я и взял. Пойдем к вам. До выхода на сцену полчаса.

– О, узнаю Максима, – улыбнулся Женя, – пойдем! А то звезду корчишь тут.

В гримерке музыкантов места было больше. Оно и понятно – рассчитана-то не на одного человека. Ребята сидели за столом, стоящим посередине, и ели какие-то йогурты.

– Да-а-а, рок-н-рольщики вы мои, – сев за стол, усмехнулся Максим, – а есть грушевый?

В дверь постучали:

– Выход на сцену через двадцать минут. Вы просили напомнить.

– Спасибо, – хором крикнули музыканты.

– Ну, чего, ребяташки? Давайте переодеваться, нам пора.

Макс никогда не испытывал волнения перед выходом на сцену. С самого первого концерта он всегда с радостью выходил к микрофону. Никакого мандража, только желание петь и видеть лица людей.

Когда-то один хороший знакомый сказал ему, что сцена – это лучший психотерапевт и, выходя на нее, Максим сбрасывает весь груз проблем и на несколько часов абсолютно забывается, создавая вокруг себя идеальный мир, где можно быть кем угодно и делать все, что угодно.

Макс любил это самое мгновение, когда в голове что-то щелкает, и он понимает, что вот именно сейчас начинается концерт. Это происходит, обычно, минут за десять до того, как начинает звучать музыка. Вдруг резко из простого парня с ворохом тараканов в голове он превращается в рок-звезду. Говорят, что в такие моменты у него даже походка меняется. Такой вот Джекил и Хайд от рок-музыки.

Надев в своей примерке черную приталенную рубашку, Макс взял из дорожной сумки бубен и вышел в коридор. Музыканты были уже там. Подтянутые, решительные, сосредоточенные.

– Ребята, сюда, – словно бы из-под земли возник Андрей, – там полный зал! Фантастика! Вы звезды.

На сцене гигантский экран показывал цифры. Когда до конца отсчета оставалось 20 секунд музыканты осторожно поднялись на сцену.

0!

Барабаны выдают брейк, и Женька бьет по струнам. Понеслась!

Спрятавшись за гитарным кабинетом, Макс смотрел на полный в мерцании прожекторов зал. Пляшущие в ритм музыки прожектора выхватывали отдельные лица, подсвечивали глаза! Ради всех этих тысяч глаз стоит забыть об усталости.

Максим группируется, резко выпрыгивает, под одобрительные крики, которые, как волна распространяются по всему залу, бьет в бубен и забывается в своем... Нет, он не танцевал, он сливался с музыкой. Он был ее частью:

– Привет, мы приехали играть музыку, а вы? – дежурное приветствие и раскинутые в сторону руки. Бубен летит в сторону, Макс берет со стойки гитару, – Мы рады вернуться в родной город! Мы начинаем...

ДЕВУШКА, ВЫ КУДА?

Рита вышла из дома. Дождь все не прекращался. Осень в Петербурге – капризная тетка без какого-либо логического объяснения своим капризам: то солнце нещадно палит, то льет целый день. Иногда утро начиналось солнцем, а днем мог пойти холодный ливень.

Ежась от дождя, Рита перешла улицу и подошла к зданию Дворца Спорта. Какой же он все-таки красивый! Огромный! Неземной!

Ритин папа всегда был фантазером. Он любил придумывать сказки о дальних мирах, о внеземных цивилизациях, об отважных покорителях космоса, но вместо того, чтобы стать космонавтом, отучился на архитектора. Сначала он проектировал детские сады, потом торговые центры. Когда ему предложили заняться дворцом спорта, он пришел домой и сказал: «Я, наконец-то, построю свой космический корабль».

Рите было четырнадцать, и, наверное, странно, что ей стало действительно интересно, чем занимается ее отец, но это было так.

Отец приносил схемы и эскизы, каждый вечер он рассказывал Рите о том, как будет устроена вентиляция, как будет выглядеть фасад, как будет работать механизм выкатной сцены, если там будут проводить концерты и так далее.

Проект готовился два года, а потом дворец начали строить. Риту знали на стройке, такое ощущение, что все. Рабочие из Средней Азии кормили ее пловом, а крановщики пару раз, конечно же в тайне от папы, брали ее в кабины башенных кранов.

Дворец открыли две недели назад. Хоккеисты на открытии сыграли товарищеский получасовой матч, фигуристы показали короткий балет на льду, а приглашенные музыканты спели свои самые известные песни. Отец был счастлив, а Рита была счастлива за отца.

Рядом с дворцом стояли молодые люди. Кто-то пытался прятаться под зонтом, кто-то веселился, промокнув насквозь, кто-то раздраженно посматривал на двери: когда откроют?

Когда двери открылись, Риту людской волной затянуло внутрь. В вестибюле она приложила билет к сканеру и попала в просторный холл.

Сдав куртку в гардероб, она прошла чуть дальше по коридору, опоясывающему дворец, и купила себе чашку чая. Чай обжог язык, но через секунду приятным теплом словно бы растекся по телу. Стало сразу не так зябко.

Рита сидела за одним из нескольких столиков, стоящих здесь и прислушивалась к собственным ощущениям. Может быть, ну его, пусть все останется на своих местах: она будет слушать и собирать вырезки о нем, а он будет петь? Нет, так нельзя! Упущенная возможность хуже неудачи!

– Девушка, здравствуйте, – за ее столик бесцеремонно уселся молодой человек с дредами и пронзительным взглядом, – меня Васей зовут...

– Меня, к счастью, зовут не так, – попыталась съязвить Рита.

– А как?

– Рита, – зачем-то она назвала ему свое настоящее имя. Обычно в таких ситуациях она предпочитала представляться как-нибудь иначе.

– А ты давно Макса слушаешь?

Пускать нового знакомого в душу и посвящать его в свои внутренние миры ей совсем не хотелось. Дело даже не в том, что она не любила людей, просто в данную секунду ей хотелось побыть одной.

– Я слабо знакома с его творчеством, меня парень привел, он фанат, – можно ли это назвать ложью? Или это просто еще одна из форм вежливого отказа?

Рита старалась быть честной девушкой, и ее всерьез занимал вопрос, почему все люди врут. Кто-то по-крупному, кто-то в мелочах, но так или иначе никто никогда не бывает абсолютно честным. Вот, зачем-то она соврала Василию, но, с другой стороны, эта ложь прозвучала менее обидно, чем, если бы она его прямым текстом послала куда подальше. В данной ситуации и ложь и правда имеют один смысл и одинаковый результат. Такой вот странный феномен...

– А, ну тогда не буду мешать, – Вася встал из-за стола

и пошел в сторону холла.

Двери в зал уже были открыты. Рита прошла половину танц-пола и встала недалеко от пульта звукорежиссера. Как она посчитала, что, раз звукорежиссер именно отсюда будет рулить звуком, то и звук будет здесь самым лучшим.

Минут через десять зал был полон и погас свет. Под овации зрителей включился экран над сценой, и на нем высветилось цифра «100»...

Когда на сцену выскочил словно чертик из коробочки Максим, Рита внутренне сжалась. Она первый раз увидела его не на фотографии или экране... Она увидела его своими собственными глазами. Улыбчивого, словно бы искрящегося и немного наглого...

– Мы начинаем, – почти шепнул он в микрофон, и провел по струнам.

Рита знала, в какой последовательности будут песни и сколько их будет – она читала о каждом концерте тура, и убедилась, что во всех городах группа Канева играла одну и ту же двухчасовую программу.

Рита пела вместе с Максимом, смеялась над его шутками и то и дело восхищенно оглядывала огромный заполненный зал. Зрители тянули вверх руки со включенными на телефонах фонариками, танцевали и горланили слова песен, когда Максим разворачивал микрофонную стойку в их сторону.

После пятнадцатой песни Рита быстро, лавируя между людей, пошла к выходу из зала. В пустынном холле она огля-

делась по сторонам, по лестнице поднялась на четвертый этаж и пошла в сторону мужских туалетов.

– Девушка, вы куда? – окликнул ее охранник, лениво прохаживающийся по коридору, – Это мужской...

– Очень надо, в женском очередь...

Рита скользнула в кафельное и пахнущее новизной помещение. Слева от писсуаров она увидела дверь. Дверь была закрыта на замок трехгранным ключом. Конечно же, Рита достала такой накануне.

Щелк!

Правой рукой нащупала выключатель и захлопнула за собой.

Внутренний технический этаж выглядел менее парадно, чем та часть дворца, которая была доступна зрителям.

Где-то совсем близко громыхал басами концерт...

Вторая дверь справа. Щелк!

Пульт вентиляционной системы. Пятая и восьмая ручки на «выкл». Все просто, никто ничего и не заметит. Наверное. А если и заметит, то нескоро.

Выйдя из помещения с пультом, она пошла по коридору. Вот одна из труб, но нужна не эта, а следующая. Да, вот она. На ней даже номер написан.

Рита приложила к ней руку. Вибрации не было, а, значит, вентилятор выключен.

Ее отец очень гордился вентиляционной системой дворца:
– Вот, если кто-то решит попасть из одной части дворца

в другую, или эвакуироваться, то вентиляционные трубы будут для него находкой, – говорил он, помешивая чай, – У них внутри есть скобы, они как ступеньки, плюс все это оборудовано ревизиями – специальными люками, через которые можно попасть внутрь. Словом, если что случится, ищи вентиляцию.

– Надеюсь, мне это знание не понадобится, – улыбнулась семнадцатилетняя Рита.

Восемнадцатилетняя же Рита открыла ревизионный люк и, включив фонарик на смартфоне, вцепилась руками в ступеньку. Вниз уходил темный провал, сверху же лилась музыка – восемь метров вверх, и она окажется в зале.

Когда смотришь на огромные сооружения, ты не можешь оценить на глаз их размер. Например, в Петербурге есть Зимний дворец. Как вы думаете, какой высоты это четырехэтажное здание? Не угадали – 30 метров. Это стандартный десятиэтажный дом, между прочим!

Подтянувшись на последней ступеньке, Рита выглянула из раструба вентиляционной трубы. Сверху концертная площадка впечатляла гораздо больше, чем, когда ты окидываешь ее взглядом, находясь внизу. Огромное море людей, пляшущие огни и крохотная сцена где-то впереди. На сцене музыканты, устроившись на барных стульях, играли акустический блок.

Прямо под раструбом к центру зала тянулся помост с ограждениями. Рита прекрасно знала о нем – все ее дей-

ствия были четко спланированы и даже отрепетированы. Но одно дело идти по железному мостику в метр шириной по пустому ночному дворцу, а другое – во время концерта, когда внизу находится несколько тысяч человек, а прожектора норовят залезть в твои глаза.

В центре зала висела конструкция в виде усеченной пирамиды, подвешенной верхушкой вниз. На каждой из ее боковых плоскостей крепился экран. С одной стороны – островок безопасности, с другой – Риту могли заметить охранники. Все-таки экраны, транслировавшие видео с камер на сцене, привлекали внимание.

Но, даже если они заметят, поймут ли, что что-то происходит не так? Обычный человек вряд ли бы туда попал. Могут решить, что кто-то из рабочих...

Быстрым шагом Рита дошла до висящих посередине зала экранов. Это оказалось не так сложно, как она думала.

Верх конструкции с экранами представлял собой квадратную площадку с перфорированным металлическим полом. Судя по тому, какую песню сейчас играла группа, у нее было еще полчаса. Почему бы не послушать немного и не посмотреть концерт с такого неожиданного ракурса?

Звук под потолком был отвратительным. Да и сцену видно было так себе, но вся ситуация показалась Рите абсолютно невероятной – она в самом центре зала на высоте около тридцати метров слушает любимого музыканта. Это ли не чудо?

Макс с группой внизу перешли к главным хитам, а, зна-

чит, скоро концерт закончится. От чего-то все музыканты любят оставлять свои самые известные вещи на финал. Это выглядит как своеобразное извинение за все остальные песни. Мол, спасибо, что выслушали, а сейчас то, что вам точно понравится. Хотя, конечно, это выгодный ход – оставить зрителя с ощущением того, что он получил то, что хотел. Песни, звучащие по радио, в живом исполнении обладают неким гипнотическим свойством. Совсем не важно, как ты их сыграешь, главное – это первые несколько нот, которые за последние несколько месяцев уже успели засесть где-то в подсознании...

До вентиляционной трубы, находящейся напротив той, из которой Рита попала сюда, тянулся все тот же узенький мостик с невысокими перилами. Девушка еще раз посмотрела вниз, зачем-то досчитала до трех и сделала шаг.

МУЖЧИНА, ВЫ КУДА?

В начале 90-х видеомэгнитофон был редким явлением. Если он появлялся у кого-то, то в его доме чаще появлялись гости. Хозяин с важным видом доставал с полки видеокассету и вставлял ее в щель угловатого агрегата с лампочками и серебристым, но чаще просто нанесенным желтоватой краской, логотипом. Кнопка play, и на экране появлялись молодой Шварценеггер, крошащий джунгли из пулемета, Ван Дамм, крошащий челюсти или три немецких мальчика, одновременно трахающих белокурую бестию, то и дело восклицаящую «Дизиш Фантастиш». Порнуха, триллеры, второсортные боевики и третьесортные комедии – типичный набор для среднестатистической кинотеки.

Персонажи боевиков в те годы становились настоящими национальными героями – плакаты с ними и календари на рынках разлетались за несколько минут.

– А у вас есть со Шварценеггером?

– Нет, завтра будут.

– А это кто? Брюс Ли?

– Нет, это Виктор Цой.

– Не, Цоя не надо, дайте лучше вон тот с Чаком Норрисом.

Мефодию не нравились боевики. Ему казалось, что в них все как-то уж чересчур картинно. Особенно в финальных сценах, когда, например, главный герой, истекая кровью ле-

жит у ног страшного злодея, а тот, вместо того, чтобы просто грохнуть своего противника, рассказывает ему обо всех своих планах. Конечно, пока злодей болтает, появляется куча возможностей перевернуть игру и выйти победителем.

В армии Мефодия научили действовать быстро и, по возможности, тихо и незаметно. Не болтать лишнего, не устраивать противникам долгие проводы.

Перестрелки, которую он не исключал, не случилось. Приземлившись на газон, Мефодий двумя выстрелами уложил парней во дворе и, не дожидаясь, пока все произошедшее осознает парень с винтовкой на балконе, сиганул под арку. По-хорошему снайпера нельзя было оставлять в живых, но устраивать охоту за ним среди жилого массива было неразумно – полиция иногда способна реагировать очень быстро.

С другой стороны дома, как он и ожидал, стояла припаркованная машина со включенным двигателем. Водитель был знаком Мефодию. Пару раз он также ждал его с задания. Но тут, как говорится, ничего личного... Нефиг в телефоне копать! Не заметил, что к машине подошел человек, не понял ничего, когда открылась дверь, не успел среагировать, когда его выдернули наружу. И что за привычка отстегивать ремень? Был бы пристегнут, возможно выиграл бы время...

Одного удара хватило, чтобы водитель потерял сознание. Мефодий подхватил его падающее тело и плавно опустил на мокрый асфальт.

Огляделся. Никого. Да и кто в такую дождину выйдет

на прогулку?

Сев в машину, Мефодий захлопнул дверь и пристегнулся. Через секунду ничем не приметное синее «Рено» тронулось и покатило вперед по улице.

Конечно, не особо приятно осознавать, что тебе подписали смертный приговор, но ждать его исполнения, ничего не делая, совсем уж глупо. Непонятно на что рассчитывал шеф, устроив весь этот спектакль с канонадой. Могли бы просто тихо застрелить его на выходе из квартиры.

К сожалению, тот мир, в который окунулся Мефодий, был действительно безжалостным. Безжалостным и продуманным. Ничего не происходило просто так, и если что-то случалось, то процент случайности в этом событии был сведения к нулю. Многоходовки и трезвый расчет.

Мефодий даже не злился, ситуация была рядовой. Он прекрасно понимал, что его могут убрать. Чего уж скрывать, он сам убирал своих коллег. Такой вот бизнес, где не задают вопросов, а все проблемы решаются максимально быстро.

Несколько дней назад он получил задание достать кое-какие документы у одного слишком уж близко подошедшего к шефу журналиста. Нет, никто не говорил о том, что его нужно убивать. Припугнуть – да! Уничтожить доказательную базу его расследования – само собой!

Но за полчаса до того, как позвонить в квартиру объекта Мефодий получил сообщение: «Жди звонка. Завтра некролог». В общем-то, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы

понять, что журналиста приговорили.

Никаких документов, кстати, у него не обнаружилось. Да и вообще, судя по всему, история о его расследовании была легендой. Как сейчас понимал Мефодий, целью был вовсе не статейных дел мастер, а именно он.

Впрочем, распутывать эту цепочку не хотелось. Не было смысла. Нужно было исчезнуть. Просто раствориться в воздухе. И совершенно не важно, почему...

Героически начать войну с шефом – глупость несусветная. Он не герой боевика, да и кругом совершенно не киношная ситуация.

Кто-то, возможно, осудит его за то, что он бежит, но это лишь плод буйствующих в голове стереотипов.

Вообще, конечно, бежать-то никуда не нужно. Надо просто исчезнуть. Для этого, на самом деле, нет даже никакой необходимости покидать город. По крайней мере сейчас.

Мефодий припарковался у одного из домов. Вышел, дернул ручку с надписью «СЭконд-хенд»...

В небольшом помещении, заставленном вешалками, пахло чем-то химическим. Такой странный запах – смесь чистоты и опасности.

– Вы что-то конкретное ищете?

– Да, вот, решил образ сменить. Кардинально, так сказать.

Через десять минут мимо синего «Рено», припаркованного у тротуара, прошел мужчина в нелепой яркой куртке и потертых джинсах.

Мифом является то, что в толпе не нужно выделяться. Среди серых одежд наблюдатель больше акцентируется на лицах, а, увидев ярко-рыжее пятно, он автоматически переключит внимание на него и запомнит только неожиданно яркий цвет. Это просто, но это работает.

Зазвонил телефон:

– Мефодий, ты очень сильно нашалил. Мне это совершенно не понравилось. Лучше сам приезжай, поговорим, уладим формальности.

– Считайте, что я увольняюсь «по собственному». Выходного пособия, уж простите, но не надо.

Зачем он поднял трубку? Ясно же, что его будут пытаться вычислить через мобильные сети и электронные устройства.

Ежась от усиливающегося дождя, Мефодий прошел через миленький двор с детской площадкой в пиратском стиле и, выкинув смартфон в мусорный контейнер, зашел в открытый подъезд многоэтажки. Поднялся на несколько лестничных пролетов, достал сигареты и, выйдя на общий балкон, закурил.

Курил он нечасто. У него не было зависимости, но было некоторое ритуальное отношение к этому процессу. Он просто понимал, что вот именно сейчас нужно достать сигарету, чиркнуть зажигалкой и вдохнуть канцерогенный дым...

Огромная дутая куртка отлично спрятала под собой «УЗИ» и кобуру с пистолетом. Правда, если что, оружие не получится достать быстро: молния. Это минус. Но выби-

рать не приходится.

Если его вычислили по звонку, то здесь во дворе кто-то обязательно появится...

Но никто не появился. Мефодий через полтора часа спустился вниз и, натянув капюшон, пошел в сторону автобусной остановки.

Самое противное во всей этой ситуации – это то, что невозможно определить, от кого может исходить опасность. Мимо прошел крепыш в кожанке – вполне мог бы оказаться кем-то из людей шефа. Но крепыш даже не посмотрел в его сторону. И от этого стало как-то не по себе. Мефодий привык видеть противника, а если ждать каждое мгновение внезапного удара, то можно с ума сойти! Значит, надо расслабиться.

Часы показывали десять вечера. Дождь то ослабевал до мороси, то вновь наваливался сверху всей своей массой. Периодически грохотал гром.

Жаль, что уже не продают алкоголь. Сейчас бы неплохо было сделать несколько глотков хорошего темного пива.

Дойдя до автобусной остановки, он заметил ларек с хот-догами.

– Ребята, а пива нет?

– Не, нет.

– А не знаете, где можно купить. Уже десять, но, может, есть какой-нибудь добрый магазин?

– Магазин-то есть, но тут рейд сегодня, сегодня не про-

дадут. Хочешь выпить? Иди во Дворец Спорта, там в кафе внизу нальют.

– Спасибо. Дайте, что ли сосиску в тесте.

На ходу дожевав последний кусок, Мефодий перебежал проспект и оказался на площади перед огромным, чем-то похожим на космический корабль, сооружением. Сбоку дворца горела вывеска «Кафе-Бар». Не обманули.

В кафе было пусто. Девушка в белом переднике налила кружку темного и Мефодий сел за столик у огромного окна.

Сделал глоток, потом другой. Расстегнул куртку и положил руку на «УЗИ»... Прямо рядом с кафе стояли два человека и смотрели на него. Одного из них он узнал...

Они увидели, что он их заметил. Хорошо знакомый Мефодию бывший ОМОНовец Савелий помахал ему рукой. Издевается. С другой стороны, он сам не прав, что позволил себе оказаться в замкнутом пространстве с одним выходом. Бить окно и устраивать пальбу было бы глупым решением. Это знал и Мефодий и мужчины на улице.

Есть шанс выйти наружу и пуститься наутек, но Мефодий хорошо знал Савелия. Никто даже не поймет, что бегущий человек в яркой куртке упал из-за выстрела в спину, никто не догадается, кто и откуда стрелял, а Савелий просто растворится в толпе в районе метро, скинув пистолет в какую-нибудь урну или просто в кусты.

Мефодий показал на кружку пива. Мол, сейчас, дайте допить. Савелий улыбнулся, поднял вверх большой палец и до-

стал пачку сигарет.

Если Мефодий к ним выйдет, они, скорее всего, посадят его вон в ту припаркованную в десяти метрах от дворца машину и куда-нибудь отвезут. Может быть, уже мертвого. Не лучшая перспектива в любом случае.

Мефодий огляделся. В помещении кафе не было никого кроме него. Девушка, налившая пиво, видимо ушла на кухню, открытая дверь которой так соблазнительно распахнула свои объятия за барной стойкой.

Когда тебе нечего терять, то ты используешь даже самую безумную возможность. Особенно, если впереди маячат не просто абстрактные неприятности, а вполне себе конкретное физическое уничтожение.

Резко встал, прыжок через зал, руки на стойку, тело взмывает вверх и буквально влетает в кухню. Девушка из-за стойки и два повара пьют чай и смотрят на него. Они видят, как он приземляется на полусогнутые, быстро окидывает помещение взглядом и, в три шага преодолев расстояние до противоположной стены, выбивает дверь служебного входа.

– Мужчина, вы куда? – девушка кричит ему вслед, но он не слышит ее. Он бежит по какому-то коридору.

СВЕРКНУЛА МОЛНИЯ

Финальная песня в ее концертном варианте была растянута минут на десять. После многократно повторенного припева на первый план выступило роскошное гитарное соло. Макс под рулады Евгения поставил гитару на стойку и поднял над головой сцепленные в замок руки. Зрители в ответ закричали, а он, улыбаясь, оглядел зал.

Когда поешь на большой сцене, ты не всегда чувствуешь зрителя. Все дело в расстоянии до людей и светящихся на сцену прожекторах. В те редкие секунды, когда светооператор приглушал софиты, освещающие музыкантов, и направлял лучи прожекторов в зал, Макс внутренне сжимался, видя лица зрителей, вырывающиеся пятнами света. Он видел каждую деталь, ловил каждый взгляд, читал в глазах пришедших восторг и обожание. И это не льстило. Это заставляло задуматься о той ответственности и той миссии, которую он на себя возложил.

Простой человек на сцене. Маленький человек в огромном зале, чьи слова ловят тысячи зрителей. Взмах руки – зал ликует, шепот – все притихает. Ты стоишь и смотришь на них, а они тянут к тебе свои души...

Концерт в эти мгновения превращается для Макса в настоящую мистерию, где он, как будто верховный жрец, вгоняющий людей в экстатический транс, берет их души в свои

руки и питает их своей энергией. Он кажется себе проводником между тысячами людей и чем-то абсолютно непостижимым...

История знает множество примеров борьбы с рок-музыкой и ровно столько же примеров ее победы над самыми изощренными борцами. В живой музыке видели ту силу, которая способна менять людей и, при необходимости, управлять ими. Правда, ни один рок-музыкант никогда не пытался стать во главе толпы и с ее помощью добиться каких-то целей. Музыкант предпочитает быть ретранслятором и проводником. Наблюдателем.

Галя пробралась к краю сцены. У калитки, ведущей в зону артистов, стоял подтянутый мужчина в костюме. Он равнодушно поглядывал то на зрителей, то на музыкантов. Интересно, на сколько концертах таким вот образом он побывал? Это для зрителей здесь происходит что-то невероятное, а для него:

– Колян, подмени меня завтра. Завтра концерт у Prodigy, а я в Икею хотел за комодом съездить.

– Да, не вопрос. Ты меня тогда через неделю на «Золотом граммофоне», лады?

– Лады!

Запустив руку в карман, Галя достала бейдж-проходку и чуть ли не под нос сунула охраннику. Тот равнодушно открыл калитку и тут же закрыл ее у нее за спиной.

Галя оказалась в пространстве между сценой и бесную-

щейся толпой. Отсюда все смотрелось гораздо страннее, чем, когда ты среди зрителей. Прямо под сценой лежали какие-то ящики, были проложены рельсы, по которым в некоторых случаях ездит тележка с видеокамерой. И никого. Просто залитая светом софитов пустота. Несколько метров, разделяющих сакральную вселенную артистов от мирского зала.

Достав камеру, Галя сняла этот проход, в котором лишь редкие пылинки нарушали спокойствие. Даже фотографов не было...

– Галина! – кто-то дернул ее за рукав.

– Да? – перекрикивая музыку она обернулась. Это был Андрей.

– Сейчас они доиграют, и я вас проведу в гримерку. Пойдите пока здесь.

– Хорошо.

Макс первым покинул сцену. Этого требовала определенная драматургия шоу. Было в этом что-то такое, что делало его еще более недосыгаемым.

Максим спустился по ступеням и встал у лестницы. Пафос пафосом, а ребят дожидаться стоило. Это он для зрителей пусть останется «ускользающей натурой», а свои точно не поймут, если он в гордом одиночестве удалится в свою гримерку.

Следом за ним спустились гитарист, клавишник и басист. Только барабаны продолжали свое безумное соло, но и они потихоньку сбавляли обороты.

– Ура! – барабанщик Данил спустился к остальным, – мы сделали это!

– Да, круто было, – Макс улыбнулся, – там только на акустическом блоке какая-то фигня со звуком была.

– Да, а я не заметил. Ладно, пошли...

Музыканты исчезли за дверью слева от сцены.

– Галя, давайте через три минуты буквально, – невесть откуда взявшийся Андрей взял ее за локоть, – не хотите, может, коньячку или чего полегче?

– Спасибо, я за рулем, – Галя улыбнулась, – да и интервью брать подшофе не очень хорошо.

– Да, понимаю, понимаю... Я сейчас Максиму скажу, чтобы он готовился, и пулей за вами...

Андрей быстрыми шагами удалился в сторону двери, за которой скрылись музыканты.

В зале включили свет. Из колонок послышался голос: «Уважаемые гости дворца Чемпионов, концертная программа завершена, просьба покинуть зал. Рады будем видеть вас снова!».

Галя смотрела, как несколько секунд назад полное магии концерта помещение в одну секунду стало обыденным. Трибуны быстро пустели. На танцполе осталась горстка зрителей, но к ним уже подошли охранники:

– Молодые люди, на выход.

– А они точно еще не выйдут.

– Точно.

– Ну, ладно.

То, что наблюдала Галя, походило на то, как любовники после жаркого секса быстро одеваются. Будто и не было ничего несколько минут назад. Обыденность в ее гипертрофированной форме: вот вы двигаетесь в одном ритме, вот вы одновременно достигаете оргазма, и вот вы молча натягиваете нижнее белье. Мгновение, остановись, ты прекрасно!

Зал опустел минут за десять. Все это время из колонок под сводчатым потолком доносилась тихая музыка. Кажется АС/ДС. Их песни на малой громкости слушались чрезвычайно похабно.

Галя видела, как на сцене засуетились техники. Они спешно сматывали провода. Один из них снимал тарелки с барабанной установки.

Положив «железо» в пластмассовую сумку-чехол, техник спустился вниз, зашел через дверь в небольшое помещение с лифтами, поднялся на четвертый этаж.

– О, спасибочки, – Данил взял из его рук кофр, – я бы и сам мог, конечно...

– Да ладно тебе, почувствуй себя звездой, – Макс стоял рядом и улыбался, – кстати, сегодня вообще претензий по барабанам не было.

– Максим, – вмешался стоящий тут же Андрей, – вы помните про интервью?

– Да, конечно, приводи минут через пять. Я пока хоть концертное сниму, а то мокрый весь.

Макс не стал ждать ответа. Он быстрыми шагами, на ходу снимая рубашку, пошел по коридору, ведущего от лифтового холла.

Как же здорово, что на этаже нет никого постороннего. Только музыканты, Андрей, да охранник. С этой точки зрения Андрей показал высший пилотаж – он прекрасно знал, что музыкантам после концерта нужно отдохнуть и прийти в себя, а толпы «левого» народа явно не способствуют этому.

Зайдя в примерку, Макс бросил на стол рубашку, стянул брюки, надел свою обычную повседневную одежду и сел в кресло.

Только тут пришло осознание, что все закончилось. Закончился бешеный бег по городам, которые со временем слились в какой-то один огромный мега-город. Журналисты любят спрашивать, мол, как вам Саратов, Пенза, Воронеж, Кызылорда или еще какой-нибудь населенный пункт. А ты сидишь, такой, и думаешь, что ответить, дабы не обидеть:

– Хороший город со своим неповторимым шармом, очень приятно здесь находиться.

– Спасибо, приезжайте еще!

– Обязательно!

Закрыв глаза, Макс громко выдохнул. Да, с одной стороны облегчение, но с другой... Ох, как-то стремно, что ли... Как моряк, который после плавания сошел в порт на зимовку: куда идти, что делать. Вот сейчас он даст интервью, потом сядет в такси, приедет к себе домой, откроет квартиру,

в которой не был, казалось, целую вечность, что-то приготовит на ужин... Ха! Холодильник-то дома пуст. Может, макароны какие-то остались. Не хочется ночью выходить никуда. Можно, конечно, заказать пиццу. Или просто еды из какого-нибудь ресторана.

Нет, ресторан – это перебор. Дорого. Хотя и деньги есть...

Максиму в детстве всегда было интересно, как живут звезды поп-музыки. Их же узнают на улицах, им и не прогуляться спокойно-то. Жалко их. Может быть, он не до конца осознавал своего статуса, но во всех городах он сам заходил в магазины купить воду или сигарет. Ни разу на него никто не напал с просьбой дать автограф. Может быть, дело в капюшоне, темных очках и нереальности ситуации – звезда в нашем захолустье в продуктовом!

Да и, что такое, быть звездой? Иметь много денег? Несмотря на то, что группа дала полсотни концертов, нельзя было сказать, что они заработали какие-то астрономические суммы. В Тамбове, например, они играли в маленьком клубе человек на 200, во Пскове зал был и того меньше. Гонорары, соответственно, тоже варьировались. Удивительно до сих пор, что родной Питер встретил их аншлагом во дворце спорта! Наверное, все-таки, несмотря на всю свою неприятность, Андрей хороший организатор, умеющий делать свое дело, и знающий это дело на «отлично»

На улице громыхнуло. Ничего себе, гроза все еще не закончилась! Как бы город не затопило!

В дверь постучали.

– Да!

– Это Андрей, – отозвались с той стороны, – я привел Галину. Можно?

– Заходите.

В примерку вошли Андрей и красноволосая девушка с огромными зелеными глазами.

– Так, – Андрей суетливо представил их друг другу, – Это Галя, известная как блогер РуГаля, это Максим. Я тогда пойду? Вы, Галина, как закончите, подойдите к охраннику, он покажет, где выход.

Не дав никому ничего ответить, Андрей скрылся в коридоре.

– Привет, – Макс встал из кресла, – говорят, вы известный видеоблогер?

– Полтора миллиона подписчиков, – ответила Галя, – а вы, говорят, известный музыкант?

– Один-один, – Максиму нравилось, когда у девушек есть чувство юмора, – о чем говорить будем?

– Я сейчас камеру установлю, хорошо? – Галя раскрыла сумку, достала штатив и, вытянув его ножки на всю длину, поставила треногу на пол, – давайте у окна встанем. На фоне города. А то тут в примерке как-то все...

– Нефотогенично? Ну, а что вы ждали? Обычное техническое помещение!

– Да, нет, свет тут дурной, просто. Я не взяла софит.

С ним бы легче было, но таскать его тяжело. А над окном, вон, светильники.

– Понятно.

Максим не любил давать интервью. Нет, конечно, иногда разговор с журналистом мог оказаться действительно приятным и интересным, но понимание того, что это не очередные дежурные вопросы, заданные по просьбе редакции, приходило лишь в процессе.

В большинстве своем интервьюеры, такое ощущение, не знают сами, зачем им ответы на вопросы. Но важности у них, хоть отбавляй: поглядите, я общаюсь со звездами! Настоящий журналист всегда должен быть погружен в интервью и должен уметь погрузить в него того, кому он задает свои вопросы. Создать атмосферу, создать маленький мир, в котором можно найти то, что думалось давно потеряно.

– Макс, а ты помнишь свою любимую игрушку из детства?

– Оу, – очень странный вопрос для начала беседы, отметил Максим, – знаешь, я жил в обычном спальном районе. Детство пришлось на 90-е, а тогда были популярны трансформеры. Такие пластмассовые машинки и прочая техника, из которых можно было сделать робота.

– Да, я знаю о них. Мальчишкам обычно нравился тот, который мог трансформироваться в самолет и танк.

– Да, да! Точно. У него еще были на крыльях ракеты, которыми можно было стрелять. Но мне больше нравился другой. Он трансформировался в машину, и особенность у него

была в том, что вместе с ним была фигурка человека. Прямо, как в мультфильме.

– А теперь ты сам трансформер. Из человека ты превращаешься в звезду рок-н-ролла. Каждый раз, когда выходишь на сцену ты становишься другим. Или ты оборотень?

– Я никогда не думал об этом в таком контексте. Но я точно не остаюсь собой, когда я выхожу к микрофону.

– Или... – Галя сделала паузу, – ты перестаешь быть собой, когда с нее сходишь?

За огромным панорамным окном было темно и сыро. Капли дождя периодически били в стекло и, стекая, рождали размытые преломления света огней фонарей и окон домов через дорогу. Город готовился ко сну. Озябший, мокрый, живой. Настоящий.

ГРЯНУЛ ГРОМ

Адаптироваться к столь резкой смене климата непросто. Еще два дня назад ты идешь по заснеженной Москве, а сегодня вдыхаешь влажный и жаркий тропический воздух. Как бы тебя не готовили, первые дни будешь чувствовать себя неуютно.

Мефодий, сидя на дереве, смотрел на шикарный дом, возвышающийся за трехметровым забором из пенобетона – не самый лучший материал для укреплений, но, видимо, возводили в спешке: что было, из того и построили.

Солнце сверху лило поток раскаленных фотонов. Такой вот кривой образ пришел к нему в голову. Он сидел на ветке уже полчаса. Сигнала не поступало. Проверил коммуникатор. С ним полный порядок.

В такой ситуации только ждать. В любом случае он должен быть – если на коммуникаторе зажжется зеленая лампочка, значит все началось, красная – нужно отступать.

Легкий камуфляжный костюм, легкий автомат, легкое чувство голода. Легкая операция впереди.

Сигнал был ожидаем, но, как всегда, неожиданно. Еле заметная вибрация и тусклая зеленая вспышка.

Прыгнул, сгруппировался, кувырок и быстрый бег. Все расписано как по нотам. Слева между деревьев мелькнула тень сержанта Давгоева, справа – Самойлова.

Как и предполагалось, сработали датчики движения. Нет, не так. Не предполагалось. Они точно знали, что это случится. В таких делах любое предположение в противовес знанию снижает процент эффективности.

Где-то над головой раздалась пулеметная очередь. Пули беспорядочно крошили ветки ближайших к стене деревьев. Явно стреляли не для того, чтобы попасть. Работали на испуг.

Пулемет резко заткнулся. Это Балашов снял пулеметчика из СВД. Леха был хорошим стрелком. Ему несколько секунд понадобилось для того, чтобы вычислить, откуда ведется огонь, поймать стрелка в перекрестье прицела и нажать на спусковой крючок. Красава!

Справа ухнула граната, потом застрекотали автоматы. Атака на ворота, конечно же, была отвлекающим маневром.

Перекатившись прямо под стену, Мефодий закрепил на ней несколько зарядов и быстро отполз за валун, лежащий в пяти метрах от нее. О валуне они тоже знали, карта местности, находившаяся в их распоряжении, была очень подробной.

Справа велась беспорядочная пальба. Молодцы, отправили самых молодых устраивать пиротехническое шоу! Молодые были в относительной безопасности, они просто палили в пределах одного сектора и короткими перебежками меняли огневые позиции после каждой очереди. Сложно предположить, что думала охрана. Атака явно не вписывалась в их

представления об атаке как таковой: беспорядочные взрывы и бесконечная стрельба. Пока они ничего не заподозрили, надо рвануть стену.

Громко. Очень громко. Пыль и плотный дым. В заряды были встроены дымовые шашки. Конечно же, для пущей театральности.

Мефодий первым бросился в образовавшуюся брешь. За ним остальные уже из действительно атакующей группы.

Все происходит слишком быстро. Сколько секунд прошло до того, как он влетел в дом, сметя короткой очередью двух охранников. Десять секунд? Пять?

С противоположной стороны усадьбы громыхнуло. Это звено Капустина пошло на прорыв.

Мефодий огляделся. Дом не похож на жилой. Абсолютно пустые комнаты. Как так?

– Что это? – Самойлов смотрит на Мефодия, – не может такого быть...

– А это, друг мой, подстава...

Убежать они не успели. После нескольких громких хлопков помещение наполнилось пылью и дымом. Мефодий почувствовал, как мир вокруг сжимается и разваливается. Удар по голове и скользкая липкая темнота.

Мефодия тогда из горящего здания вытащил сержант Емелин. Когда прогремел взрыв, он еще не успел войти в здание. Остальных, кто был внутри, спасти не удалось... Операция была провалена, но виновные были найдены. Как по-

том написали в официальных письмах, они «погибли при исполнении воинского долга». Поскольку операция была, хоть и шумной, но чрезвычайно секретной, предавшие отряд офицеры по бумагам погибли не в жаркой стране в районе экватора, а на одном из полигонов в окрестностях Пскова.

Мефодий уже через месяц был в строю. Этот случай научил его одной простой истине – никогда не лезть в незнакомое помещение, если ты на сто процентов не уверен, что внутри.

К сожалению этим, принципом иногда приходилось пренебрегать. Например, сейчас, когда, выбив ногой дверь служебного входа, он оказался внутри огромного и похожего на космический корабль дворца спорта.

Сбросив дурацкую сковывающую движения куртку, он побежал по коридору. Сзади что-то хлопнуло, а в паре сантиметров от уха просвистела пуля. Было бы глупо рассчитывать, что преследователи так просто дадут ему уйти. Увидев его в кафе, они уже внутренне праздновали победу, а неожиданный финт Мефодия вызвал злобу. Все это было безрассудно и странно. Они же прекрасно должны понимать, что и им не получится выйти из дворца без последствий.

Хотя... Кто знает, что за документы у них в карманах. Говорят, что у шефа есть связи везде: депутаты, полиция, армия... Страшный человек.

Мефодий свернул в одно из ответвлений коридора, взял в руки «УЗИ» и стал ждать. Его преследователи прекрасно

видели, куда он шмыгнул. Возможно они решат, что он побежал вглубь здания. Тогда они...

– Мефодий, я знаю, что ты стоишь там и ждешь, когда мы попадаем в зону обстрела. Не глупи.

Ответить, значит выдать себя со всеми потрохами.

– Я знаю о том, где ты служил. Ты предсказуем. Твой образ мышления не позволит тебе бежать с отличной огневой позиции. Лучше просто выходи и поедем, пока нас тут всех не накрыли.

Мефодий огляделся. Короткий коридор упирался в прозрачную дверь. За стеклом виднелись ступеньки. Если получится сделать все бесшумно, он выиграет несколько секунд.

Дверь была не заперта. Осторожно потянул ее на себя.

– Выходи, тебе некуда бежать. Ты сам это знаешь.

Мефодий не знал. Дворец огромный, лестниц много. Вряд ли люди шефа снаружи дежурят у каждой двери.

В несколько прыжков Мефодий оказался на площадке между этажами. Еще раз... Прыг-скок! Второй этаж. Две запертые двери. Так просто не выбить. Видно, что сделаны добротно.

Третий, четвертый этаж. Одна из дверей четвертого открыта настежь. Длинный и абсолютно пустой коридор впереди.

Мефодий прислушался. Он понял, что тех, кто шел за ним, когда-то обучили ходить бесшумно. Но его обучили слышать то, чего не слышно. Судя по всему, они этажом ни-

же. И они знают, что он над ними.

Выше идти было некуда. Соответственно, нужно искать выход. Другой выход. Устраивать перестрелку и прорываться вниз туда, откуда он только что пришел рискованно – могут встретить.

Быстрыми шагами Мефодий прошел по коридору и свернул за угол. Новый коридор. Слева глухая стена, справа двери. За одной шумно – несколько мужских голосов что-то бурно обсуждали, за второй тихо. Пока в коридоре кроме него никого. Даже странно.

Мефодий не представлял планировку здания, и он не мог быть уверенным, что его преследователи в такой же ситуации. Возможно, что кто-то уже идет к нему с другой стороны. Вон, как коридор загибается, что за поворотом, не видно.

Дернув ручку второй двери, Мефодий зашел в комнату. В комнате были люди. Два человека. Он направил на них пистолет и, приложив палец к губам, закрыл дверь изнутри.

– Что здесь происходит? – парень лет тридцати смотрит на него, – это шутка?

Как-то майор Бородихин сказал ему, что долог путь рассказа, но короток путь показа. Мефодий посчитал, что сейчас не нужно ничего объяснять. Он на секунду направил ствол пистолета вверх и нажал на спусковой крючок. Глушитель погасил звук, но в плите навесного потолка появилась аккуратная дырочка.

– Просто молчите...

Девушка с красными волосами и огромными зелеными глазами вцепилась в руку парня...

Мефодий огляделся. Небольшое помещение, стол с зеркалом, кресло, шкаф, камера на треноге. Камера снимала напуганную парочку.

– Просто молчите, – шепотом процедил сквозь зубы Мефодий, – надеюсь, что никто не пострадает.

Вряд ли, услышав шум за второй дверью, преследователи решаться ломать соседнюю. Возможно они подумают, что она заперта и пройдут мимо... А дальше? Дальше нужно как-то выбираться. Брать на себя двойное убийство не хотелось, но...

Парень дернулся слишком резко. Что-то черное и бесформенное у него в руках. Похоже на рубашку. Он кидает ее в Мефодия, и Мефодий стреляет. Он понимает, что девушка сейчас закричит. Девушки всегда кричат, когда на их глазах убивают.

Она не успела. Ее тело грохнулось рядом с трупом парня через мгновение.

Снаружи дернули дверь. Кто?

За окном Мефодий видит край стены и пожарную лестницу. Он берет со стола стеклянную бутылку с гранатовым соком и кидает ее в окно. Композитное стекло не разбивается, зато бутылка разрывается на десятки осколков – достань гранату, и будет праздник!

Дверь с жутким грохотом вваливается внутрь, а тело Ме-

фодия, отброшенное автоматной очередью к окну, сползает на пол... Он слышит крики, он видит, как его кровь смешивается с соком. Он успевает услышать, как за окном грохочет гром.

Он умирает.

СМЕРТЬ

Что мы знаем о смерти? Чем она так страшна?

Кто-то из известных людей сказал, что он не боится смерти, а просто не хочет при ней присутствовать. В этой парадоксальной фразе выражен весь страх человека перед кончиной. Страшно осознавать, что ты умираешь, страшно понимать, что вот еще несколько минут и ты перестаешь видеть, слышать, чувствовать.

Человек любопытен. Людям интересно, что кроется за той последней дверью. Но человек не только любопытен – он тщеславен! Главное, ведь не только увидеть, что происходит после смерти, но и рассказать об этом. Желательно подкрепить свой рассказ парой фотографий, которые вызовут ажиотаж в социальных сетях. И это еще один корневой страх – не вернуться, исчезнуть, стать забытым.

В недавнем прошлом были популярны книги американского психолога Реймонда Моуди. Моуди посвятил ряд исследований тому, что он сам назвал околосмертными переживаниями. В девяностые годы его книга «Жизнь после жизни» стала настоящим бестселлером. Уставшие от разрухи и безнадёги люди искали в ней ответы на вопросы, что будет дальше, куда они попадут после того, как сделают последний выдох.

В книге красочно описаны околосмертные видения и пе-

реживания, которые испытывали люди, находящиеся на грани жизни и смерти. Но сказала ли что-то эта книга о смерти? Или она просто описала, как человек, едущий из Петербурга в Москву, выходит где-нибудь в Балагоме, ловит попутку и возвращается в Питер?

Можно ли не присутствовать при своей смерти? Можно ли не осознать, что ты умер?

Легко представить себе ужас тех, кого ведут на электрический стул. У Стивена Кинга в его романе «Зеленая Миля» сделана попытка осмыслить это. Осмыслить, что может чувствовать человек, знающий, что его ведут на смерть.

Невозможно представить, каково это знать, что каждый твой шаг, каждое твое движение приближают тебя к смерти. С этой точки зрения казни, практиковавшиеся в Советском Союзе, когда заключенного выводили, как ему говорили, на допрос, и где-то в коридоре стреляли ему в голову, выглядят гуманнее. Внезапная смерть без осознания.

Смерть пугает людей все те тысячи лет, сколько существует человечество. Кто-то верит в рай и ад, кто-то в перерождение, кто-то скептически заявляет, что после гибели организма сознание также исчезает.

Но, каково это – исчезнуть?

Есть точка зрения, что человек жив, пока его помнят. Что он жив в своих делах, книгах, которые он написал, фильмах, в которых он снялся. Но является ли это жизнью? Или таким образом подтверждается теория Юнга о коллективном бес-

сознательном?

Каждый человек смертен, и каждый человек старается гнать от себя мысль об этом. Это, как у Маргарет Митчелл в «Унесенных Ветром»:

– Я подумаю об этом завтра.

Смерть обрывает все. Умерев, человек не допишет песню, которую писал, не досмотрит выпуск новостей, который смотрел, не доест ужин, который ел.

Это может случиться в любой момент, и нет разницы, кто ты. Умирают президенты, умирают уличные бродяги.

Кто-то умирает сам, а кто-то по воле обстоятельств и других людей. Кто-то умирает из-за того, что его тело износилось настолько, что органы не могут функционировать, кто-то от удара ножом, стрелы или пули.

Человечество изобрело множество средств прерывания жизни. Оружие все совершеннее, и циничным является заявление о том, что есть гуманные и негуманные его виды.

После первой мировой войны люди договорились не использовать отравляющий газ. Мол, человек уж слишком сильно мучается, умирая от него. Военные не отрицают факта убийства, но они против мучений. В таком контексте нет ничего гуманнее огромной и очень мощной бомбы, способной за долю секунды уничтожить целый город.

В фильмах нам показывают, как бравый снайпер одного за другим убивает солдат вражеской армии. На экране мы видим безмянные фигуры, падающие навзничь... Но каждая

из этих фигур – человек. Человек со своей историей, увлечениями, любовью.

Изображая смерть на экране, режиссеры не акцентируют внимание на этом. Писатели, решившие положить пару-тройку безымянных людей, не говорят об их жизни и жизни их друзей и родных после того, как сверкнет нож или прогремит выстрел.

Преодоление смерти стало одной из целей человечества: продлить жизнь или сделать ее бесконечной!

Человечество, несмотря на весь научно-технический прогресс, продолжает наделять смерть чисто мистическими свойствами. Человек же не может исчезнуть просто так?

Считается, что, устанавливая роскошное надгробие, мы отдаем дань памяти умершему. Каждый год родственники съезжаются на могилу, а из уст в уста передаются почти что сказочные истории. Знаете же, что о мертвом либо хорошо, либо никак? Смерть таким образом очищает человека, делая его гораздо лучше, чем он был при жизни!

Каждый день умирают люди. В каждом доме рано или поздно справляют поминки. Кто-то умирает в собственной постели, а кто-то влетает с размаху на мотоцикле в грузовик – итог один...

Умирают герои и злодеи. Их жизни обрываются, либо тихо в старости, либо в бою. Возможно и после боя, когда выживший травится некачественным алкоголем или попадает под колеса случайного автомобиля.

Смерть не избирательна, она вершит свою жатву, независимо от того, удобен ли момент.

Для смерти вообще не важно, кем был человек – она придет к каждому.

Гоня мысли о ней, человек прожигает свою жизнь. Он наивно думает, что у него еще много времени. Человеку еще двадцать, еще тридцать, еще сорок, да и в пятьдесят он выглядит младше своих лет и ходит в спортзал. Бах! Просто случайность. Невероятная или закономерная. Водители автомобилей «скорой помощи» могут многое рассказать об этом.

К большому сожалению нужно просто признать это. Признать, что даже главный герой самой продаваемой серии книг умрет. Авторы лишь могут продлить его жизнь, но должен в конце концов найтись тот, кто опишет его похороны.

Мир литературы и кино знает множество случаев, когда герои возвращались, но Шерлок Холмс не может быть вечным. И он в конечном итоге умер. Мы не читали об этом, но нельзя отрицать этого факта.

У Стивена Кинга в романе «Мизери» писатель убивает главную героиню своей книги. Он дарит реальное забвение вымышленному персонажу, но, спасая уже свою жизнь, возвращает его в этот мир. Такая вот ирония – спасая жизнь реальную, воскрешаешь выдуманных покойников.

Человек боится смерти, но он часто заигрывает с ней. Прыжок с тарзанки, ночная гонка по кольцевой на скорости

200, игнорируя правила, «русская рулетка»... Человек радуется, побеждая смерть. Он радуется каждый раз и снова бросает ей вызов. И рано или поздно он придет к ней:

– Как так?

– Я дала тебе десять шансов, но мне надоело. Привет!

Улыбчивая смерть с желтым смайлом вместо лица. Художник Бэнкси мастерски использовал этот образ: веселая смерть, игривая смерть...

А жизнь продолжается. Человек не может принять того, что все закончится только для него. Его жена будет спать с другим, его друзья будут встречаться и веселиться, ветер будет трепать занавески, а солнце светить в окна.

Мрачно? Безднадежно? Грустно?

Оплакивая умершего, мы жалеем не его, а себя. Себя, оставшегося без него. И еще мы склонны верить, что рано или поздно встретимся с тем, кого потеряли. По крайней мере, мы хотим в это верить. Или не хотим?

Мы вообще не хотим верить в смерть. И гибель близкого человека часто воспринимается как шутка: да не могло это случиться с ним? Не мог он уйти так просто! Не бывает такого! С другими бывает, а с близкими нет.

Это, как читатель не верит, что главные герои книги погибли. Еще больше половины книжки впереди, а нам описывают их убийство. Автора за такое нужно приковать наручниками к кровати и заставить их вернуть. Не, ну, правда!

КОМНАТА

Рите показалось, что ее вдруг не стало. А потом вдруг она появилась. Что-то произошло. Как-то все обрывочно. Как будто ее разобрали на части и снова собрали. Вроде все также, но иначе.

Она не помнила боль, она не успела ее осознать. Просто все вокруг исчезло. Была только охавка ощущений: предчувствие, радость, потом страх. Страх было совсем мало. Вот, буквально чуть-чуть. А за страхом темнота. Хотя, нет, не темнота. Темноту можно осознать, ее можно увидеть, о ней можно рассказать.

С ней было что-то другое. С ней было то, чего не было. Странные мысли. Какие странные мысли.

Она открыла глаза. Белый потолок, выкрашенные в зеленый цвет стены.

Ее руки запрокинуты к спинке железной кровати и прикованы к прутьям решетки. Жесткие браслеты и бряцающая цепь. Наручники?

– Ты очнулась?

Рита повернула голову и уперлась взглядом в лицо взломаченного Макса Канева. Он также лежал на железной кровати. Его руки также были прикованы к спинке.

– А, да... – язык плохо слушался, – Да, я... Очнулась. А... Где мы?

– Хороший вопрос. А ты кто? Вон тех двух, – он кивнул куда-то в сторону, – я знаю. Ну, как минимум я знаю, откуда они взялись, а ты?

– А я... Я Рита, – она посмотрела в ту сторону, куда кивнул Макс.

В комнате с зарешеченным окном стояли еще две кровати. На одной лежала девушка с красными волосами, на другой лысый мужик лет сорока.

Кровати стояли вдоль стен комнаты. Две с одной стороны, две с другой. Помещение походило на больничную палату, но окно без стекол с массивной решеткой никак не рифмовалось с больничным покоем.

Да и наручники не рифмовались.

Рита и Макс были одеты в серые длинные рубахи, типа ночнушек, но из очень грубого материала. Откуда-то в голове Риты выплыло слово «рубище». Такое темное и средневековое.

– Где мы? – Рита смотрела на Макса, а тот в потолок.

– Я не знаю, я помню только, что вон тот... – Макс кивнул в сторону лысого, – ворвался в гримерку и стрелял. Сначала вверх, потом в меня. И грозу помню.

– А они не очнулись?

– Как видишь, нет. Так, кто ты?

– Я Рита, – повторила Рита, – я поклонница твоей группы. Я пришла на концерт, потом проникла в твою гримерку. Пряталась над навесным потолком. Потом...

Рита зажмурилась. Воспоминания нехотя проступали сквозь пелену осознания:

– Потом я слушала, как ты даешь интервью. После этого кто-то вошел, и все. Я здесь.

Макс посмотрел на девушку еще раз. Она была очень красивой и совсем юной. Вряд ли бы кто-то подослал к ним сейчас такую... Скорее всего она говорила правду.

Он очнулся полчаса назад. Открыв глаза, первое, о чем он подумал, это то, что он совершенно не чувствует боли. Даже пронеслась шальная мысль, что история с неизвестным мужчиной с пистолетом – это розыгрыш. Но, увидев этого мужчину, Галю и незнакомую брюнетку, которые, как и он, были привязаны наручниками к кроватям, стоящим в странной комнате с окном без стекол, Макс сделал вывод, что на розыгрыш это совсем не похоже.

– Знаешь, мне кажется, что тебя убили, – Макс постарался сказать это максимально спокойно, – он стрелял в потолок. Стрелял и попал в тебя.

– Убили? Как? А ты?

– И меня тоже. И, видимо, Галю. У меня тут только один вопрос, что тот, кто нас грохнул, делает здесь?

– Где здесь?

Слова Макса совсем не укладывались в ритиной голове. Как-то все это странно прозвучало. Их убили, а их убийца лежит в паре метров от них. Но они живы. Вроде. Значит, и не убийца он вовсе.

– Макс, погоди... – Рита сделала паузу, – но мы живы, вообще-то.

– Знаешь, меня тоже в этой ситуации чрезвычайно смущает данный факт. То есть, не то, что смущает. Просто, согласись, мы этого точно стопроцентно не знаем. Может быть, мы на том свете...

– Ага, – послышался голос лысого, – и сейчас нас распределят по местам дальнейшего пребывания.

Рита и Макс уставились на Мефодия, который ловко одним движением смог сесть на кровати.

– Ты кто?

– Я Мефодий. Остальное, как мне кажется, вам знать не нужно.

Мефодий попытался напрячь руки и порвать цепь. Не получилось.

– Что ты делаешь?

– Я хочу вылезти отсюда, – Мефодий огляделся по сторонам, – не думаю, что все это принесет мне приятные впечатления. Да, кстати, в меня тоже стреляли.

Мефодий спустил ноги на пол и попытался приподнять кровать.

– Видите, даже кровати к полу привинчены. Как думаете, хорошее это место или нет?

Макс с Ритой смогли повторить маневр Мефодия и сесть.

– Ты стрелял в меня.

– Послушай, я знать не знаю, кто ты. Считай, что это была

вынужденная мера. Никакой личной неприязни у меня к тебе не было и нет.

– Меня Максимом зовут, – Макс вымученно улыбнулся, – я музыкант, и в тот вечер выступал во дворце. Потом пришла Галя взять интервью, потом ты...

– Макс, я спасал свою шкуру. Не больше и не меньше. Это была основная цель, а ты и твоя девчонка, как это называется, случайные жертвы среди мирного населения.

– Я не его девчонка, – Галя открыла глаза, – я вообще ничья девчонка. А, что, собственно, здесь происходит?

Галя не верила в загробную жизнь. Поняв, что жива, она сразу же попыталась найти хоть какое-то объяснение. В голове словно бы заработал компьютер, защелкали скрипты, были извлечены файлы, но...

– Так, что все это значит? Где мы?

Первой мыслью было то, что она в больнице. Да, в нее стреляли. Видимо, она потеряла сознание, и вот пришла в себя. Но в больницах не приковывают наручниками. Даже в психиатрических. Также в больницах не кладут вместе людей разного пола. Впрочем, то же самое относится и к тюрьмам – если бы это была тюрьма, их бы рассадили по разным камерам.

– Слушай, Мефодий, а не похитили ли нас? Ты говоришь, что в тебя тоже стреляли. Кто стрелял-то?

– Ты слишком много задаешь вопросов, – Мефодий внутренне скривился: слишком уж картинно прозвучала эта ре-

плика. Так, будто они в дешевом боевике из девяностых.

– Не, ну, правда, – вмешалась Рита, – мы в непонятной комнате. Мы прикованы к кроватям. Может быть, это связано каким-то образом с тобой?

Мефодий, поняв, что все попытки выломать прутья спинки или передвинуть кровать только тратят его силы, постарался поудобнее усесться.

Возможно, есть доля здравого смысла в их словах, но есть одно «но». Он был на сто процентов уверен, что застрелил музыканта и красноволосую. Если бы он один очнулся после всей этой истории, можно было бы предположить, что в него стреляли не пулями, а транквилизаторами, а потом привезли сюда и скоро придет шеф или кто-то из его людей.

– Сомневаюсь. Те, кто шли за мной, не стали бы действовать так. Они положили бы меня прямо там.

– Уверен? – Рита удивилась своему спокойствию. Вообще, ее состояние было несколько странным. Никаких эмоций. Ей не страшно, что она непонятно где, ей не радостно, что рядом Максим. Просто какая-то пустота. Она слышала о таком термине как аффективное уплощение, и очень не хотелось, чтобы он когда-нибудь возник в ее истории болезни.

Макс молча закрыл глаза, прислушиваясь к своим ощущениям. Он прекрасно помнил, как в примерку ввалился Мефодий и выстрелил в потолок. После этого Макс захотелось немного погеройствовать. Вернее, это было не совсем осознанно. Возможно, всплыли какие-то воспоминания и сцены

из просмотренных фильмов. Он схватил со спинки кресла концертную рубашку, чтобы кинуть в угрожающего оружием человека. А дальше? А дальше, как на американских горках. Только не вниз, а сразу во все стороны. Словно бы он разлетелся на атомы, а потом снова собрался. Уже здесь. Одетый в длинную серую рубаху до колен.

– Понимаете, друзья мои, – Макс понимал, что сейчас надо сказать что-то значимое, что-то, что даст хоть какие-то координаты, – мы сейчас здесь. Мы переодеты и прикованы. А значит это только одно. Это значит, что за нами придут. Или к нам придут. Если бы хотели, чтобы мы умерли, то не стали бы так изощряться.

– Я тоже об этом подумала, – Галя посмотрела на него, – и от этого мне как-то не по себе. Кто-то нас похитил. Но, зачем?

– Инопланетяне? – Рите стало немного жутковато от этого предположения. Совсем чуть-чуть, но все-таки. Ее даже немного порадовало, что она испытала хоть какую-то эмоцию.

Галя снова оглядела комнату. Что-то в ней очень сильно смущало. Так, зеленые стены, крашеный пол из досок, окно с решетками, деревянная и, судя по всему, запертая дверь, кровати, белый потолок.

– А вы заметили, что здесь нет электрического освещения? – спросила она, – нет люстры, нет крючка для нее, нет следов от проводов, выключателя и розеток.

– Ну, то, что нет розеток, это не удивительно, – Макс также огляделся, – если в этой комнате держат пленников, то розетка в свободном доступе представляет опасность. А, вот, то, что нет лампы – это действительно странно.

А еще за окном светило солнце. Жаркое солнце. Отнюдь не осеннее. От здания, где они находились, вдаль тянулось поле с ромашками, упирающееся в зеленый лес.

– Да и на улице не осень. Вообще не осень, – Мефодий прислушался, – слышите, там птицы поют...

– И что это значит? – Ритино беспокойство нарастало, – что мы где-то далеко от дома? Что нас вывезли?

– Знаете, – Мефодий заговорил тише, – никуда нас не увезли. Природа абсолютно как в Питере или области. Но осенью в этих широтах такого не бывает. Осенью мы бы сейчас мерзли и проклинали все на свете, а не гадали, где мы, и как сюда попали.

Галя снова попыталась подумать. На этот раз думать было легче. Видимо она окончательно отошла от странного бессознательного сна. Или, не сна?

– Ты хочешь сказать, что мы без сознания провели почти год, а сейчас почему-то вдруг одновременно очнулись. То есть, после перестрелки нас каким-то образом вывезли из Дворца, транспортировали сюда и держали на каких-нибудь транквилизаторах, при этом сделав так, чтобы мы не умерли от ран? Типа, вылечили...

– Мефодий, ты уверен, что мы где-то недалеко от города, –

Макс посмотрел на него, – ты уверен в том, что говоришь?

– Нет, я не могу дать стопроцентной гарантии. Если бы-ла бы ночь, и были бы видны звезды, можно было по-пробовать как-то определиться, хотя и тут все было бы очень при-близительно. Но, как мне кажется, скорее всего...

– Да и ромашки... Они действительно летом цветут. Ко-нечно, может быть нас похитили и привезли в Америку, но пейзаж за окном очень уж российский, да и птицы поют совсем по-нашему. Ладно, вопрос пока открытый, но будем надеяться, что мы где-то под Питером, – Макс улыбнулся, – Мефодий, это твое настоящее имя?

– Да. С рождения. В детстве меня дразнили, хотел по-менять, но потом передумал. Глупо менять имя. Это, как на «Мерседес» повесить значок «Ягуара».

Тема имени была не слишком приятна Мефодию.

– Так вот, Мефодий, нам всем очень интересно узнать, что случилось в тот вечер, из-за которого мы оказались непонят-но где и сами до конца не уверены, что мы вообще живы. Ты же застрелил каждого из нас!

Мефодий прекрасно понимал, что в данной ситуации нет смысла уходить от ответа. Конечно, можно напридумывать красивых историй, но что это изменит?

– Я работал на одного влиятельного человека. В какой-то момент я перестал... – он замолчал на несколько секунд, – вы ничего не слышите?

– Ничего интересного и внятного мы пока от тебя не услы-

шали, – ответила за всех Галя, – продолжай.

– Нет, вы не поняли. За дверью, видимо, коридор. И кто-то идет по нему...

Все замолчали. Мефодий был прав. Шаги. Судя по всему, шел не один человек, а несколько.

Рите стало страшно. Есть такая особенность, что не страшно одному оказаться в незнакомом месте, страшно встретить кого-то незнакомого... Если ты точно знаешь, что ты один в переулке, то и в три часа ночи не страшно. Но беда в том, что ты не можешь быть в этом стопроцентно уверен.

Что-то лязгнуло и дверь открылась...

ДОРОГА

В комнату вошли трое: два крепыша под два метра ростом и сухонький мужчина лет шестидесяти на вид. Крепыши были с длинными волосами и неаккуратными бородами. Пожилой тоже был с бородой, но выглядел по сравнению со своими спутниками ухоженней.

Все трое были одеты в выцветшие камуфляжные комбинезоны. Мефодий не смог определить по покрою, в какой стране их пошили.

– Здравствуйте, – Мефодий по опыту знал, что в таких случаях не стоит кричать и скандалить, – может быть, вы расскажете, что здесь происходит?

Ему не ответили. Крепыши подошли к кровати и вцепились в его руки, а пожилой, достав из кармана связку ключей, снял с него наручники.

Рита смотрела на вошедших и не понимала, что именно она чувствует. Она переглянулась с Максом, который напряженно наблюдал за тем, как те двое рывком ставят Мефодия на ноги. С одной стороны, хоть какая-то определенность, а с другой – неизвестность сгустилась еще больше. Какие-то странные молчаливые военные. Что они хотят?

Мефодий чувствовал на своих запястьях чужие руки. Ему было неприятно, но и рыпаться не хотелось. Они на своей территории, они одеты куда удобнее, их больше.

Мефодия вывели за дверь, а пожилой сел на его кровать. По лицу пожилого было непонятно, о чем он думает или, что испытывает. Может быть, кровожадный экстаз в ожидании расправы над пленными, а, может, простую усталость исполнителя.

– Вы нам что-то объясните? – Максим буквально сверлил его взглядом, – вы будете с нами говорить?

Пожилой встретился с Максимом взглядом. Он покачал головой и приложил палец к губам.

– Что за ерунда? Вы хоть знаете, кого вы похитили? – Галя искренне надеялась, что ей ответят, но пожилой, повернувшись в ее сторону, только повторил жест: «Молчи».

Было совершенно неясно, понимает ли он то, что они ему говорят.

Два, как понял Максим, рядовых бойца вернулись через несколько минут. Пожилой снял наручники с Риты и ее также увели из комнаты.

– Надеюсь, не на расстрел ведут, – Галя повернулась к Максиму.

– Я тоже.

Когда Галю вывели из комнаты, она увидела длинный коридор. Слева двери, справа окна с решетками, но без стекол. Под босыми ногами каменный пол. Бойцы никак не реагировали на ее вопросы, а после одной из попыток вырваться один из них сильно сжал ее запястье. Ей стало больно.

Подойдя к очередной двери, один из них толкнул ее, и они

оказались на улице. Вдаль тянулось ромашковое поле, упирающейся в лес. Воздух был по-летнему прогрет и как-то неестественно прозрачен.

У трехэтажного здания из неаккуратных серых кое-где треснувших кирпичей стоял автобус. Автобус выглядел плачевно. Ржавчина распространилась по всему кузову, а окна были грубо заделаны какими-то досками.

Один из крепышей достал ключ и, вставив его в замочную скважину, открыл дверь в переднем конце автобуса. Втолкнув Галю внутрь, он снова запер замок.

Внутри автобуса было несколько сидений. На двух из них сидели Мефодий и Рита.

– Я что-то вообще ничего не понимаю, – Галя села на кресло перед ними, – что это?

Свет падал внутрь салона через щели между досками на окнах. Пылинки кружились в его отблесках, а внутри пахло старостью.

– Знаешь, я тоже не понимаю, что все это значит, – Мефодий действительно недоумевал, – сначала странная комната, теперь странный автобус. Как-то сомнительно, что он поедет.

Даже то место, где должно было быть лобовое стекло, было заколочено. На месте руля торчали провода.

– Может, нас сжечь хотят, – предположила Рита, – сейчас обложат ветками, польют бензином...

– Рита, это слишком хлопотно. Хотели бы убить, расстре-

ляли и закопали бы вон в том лесу, – Мефодий неопределенно махнул куда-то в сторону, – меня также заботит вопрос о том, какую структуру они представляют. Я бывший военный и до сих пор слежу за тем, что происходит в армии. Таких комбинезонов нет на довольствии ни у одного рода войск. Но камуфляж полевой, соответственно это не полиция или кто-то подобный.

Дверь автобуса открылась и в салон вошел Макс:

– Ребята, я подумал, что мне сейчас не хочется выяснять ничего о том вечере во дворце. Отложим как-нибудь на потом. Здесь и без этого какая-то чушь происходит. Не знаю, заметили ли вы, но к автобусу приделаны оглобли.

Все замолчали. Макс сел рядом с Ритой.

Автобус был небольшим. В таких обычно ездят на пригородных направлениях. Внутри, несмотря на то, что выглядел он крайне удручающе, не было никакого лишнего мусора. Абсолютно пустой салон с четырьмя рядами кресел с правой, если смотреть от кабины, стороны.

– Оглобли? – Мефодий удивился, – Интересно. Они сейчас запрягать лошадей будут, что ли?

Мефодий понимал, что чисто теоретически сейчас можно сбежать. Постараться выломать доски, в рукопашную раскидать людей в камуфляже и в лес через поле. Но, кто сказал, что у тех парней нет оружия и, что в доме не прячется еще сотня головорезов. Прежде всего нужно разобраться в том, что происходит. Если их куда-то транспортируют,

значит они где-то нужны. Живыми.

Максу ситуация казалась дикой с самого начала. Вот он в дождливом осеннем Питере играет последний концерт тура, а вот, после того, как в него стреляют, приходит в себя в наручниках и непонятной одежде. Какие-то, не то военные, не то бандиты молча сажают его в проржавевший автобус, а сами запрягают в него лошадей.

Сквозь щели между досками они смотрели, как к автобусу пожилой, держа за веревку, подвел четырех коней. Кони выглядели так, как и должны выглядеть кони. Они были единственным, что выглядело абсолютно привычно, но само их присутствие в данной ситуации только добавляло абсурда.

– Запрягай, – пожилой передал веревку одному из крепышей, а сам, судя по звукам, залез на крышу автобуса.

– Вы слышали это? – Рита повернулась к Мефодию, Гале и Макс, – они говорят, и говорят по-русски!

– Эй, – крикнул Макс, – Может вы хоть сейчас расскажете, куда едем?

Боец, держа веревку одной рукой, покачал головой, а вторую с вытянутым вверх указательным пальцем, приложил к губам.

– Зашибись. Они нас понимают, но ведут себя как какие-то мистические гномы, – Макс раздраженно кулаком ударил спинку кресла, – Мефодий, ты, я смотрю, крутой парень. Может, вытащишь нас отсюда, а там разберемся?

– Я постараюсь это сделать, – Мефодий даже не повер-

нулся, – но пока нужно понять, что к чему. Сейчас нет никакой определенности, сложно найти решение. Может быть, они нам и не враги вовсе.

Запрягли быстро. Через несколько минут автобус тронулся. Пожилой и два его бойца сидели на крыше, а кони средним шагом шли по дороге, везя за собой необычную повозку.

– Вообще непонятно где мы, – Рита смотрела в окно и прислушивалась к своим ощущениям, – вы, кстати, не заметили, что наши эмоции, как бы это сказать...

– Притуплены? – Галя также старалась разглядеть в щель между досками хоть что-нибудь кроме буйства лиственных по краям дороги.

– Да, есть такое, – Макс поежился, – сам себя не узнаю. Раньше бы запаниковал, а сейчас просто сижу и думаю, что дальше. Не страшно совсем.

Лес кончился внезапно. Справа начался деревянный забор с деревянными крышами за ним.

– Ого! Да тут целая деревня! – Рита лицом прильнула к доскам, – смотрите, там ребенок.

На одной из крыш сидел мальчик лет десяти. На нем был одет такой же комбинезон, как у хозяев того трехэтажного дома. Ребенок смотрел на автобус.

– Кыш! – послышался сверху голос пожилого, – Говорили же, не высовываться!

Мальчик покорно скатился вниз по крыше и, судя по всему, спрыгнул на землю.

Потом снова начался лес.

– Не знаю, – задумчиво произнес Мефодий, – может быть, это какие-нибудь старообрядцы? В Сибири периодически находят деревеньки, где они живут так, как жили сотни лет назад. Без электричества, без компьютеров.

– Откуда тогда тот дом, где мы были? Он не выглядит традиционной постройкой, да и автобус этот... Как минимум, кто-то когда-то на нем сюда доехал, а, значит, это не глушь несусветная.

– Максим, честно, я не знаю. Я профессиональный военный. Я проходил подготовку такого уровня, что даже авторы русских боевиков не представляют. Ну и навидался всякого. И в России, и за рубежом...

– А за тобой, случайно, не вражеские военные гнались в тот вечер? – Максим сделал паузу, – Так странно говорить о тех событиях как о далеком прошлом...

– Нет, не военные это были. Я начал рассказывать, но меня прервали, – Мефодий посмотрел на Макса, – а насчет того, что совсем недавно я стрелял в тебя... Да, ты знаешь, у меня те же ощущения. Будто бегу по коридору, залетаю в вашу комнату...

– Гримерку, это была моя гримерка.

– Залетаю в гримерку, потом происходит то, что происходит, затем стреляют в меня, я падаю, вижу, как кровь мешается на полу с соком, а через пару мгновений открываю глаза и наблюдаю вас и себя пристегнутыми к кроватям.

– Я пить хочу, – Галя жалостливо посмотрела на Максима, – жарко как-то. Во рту пересохло.

– Эй, – встав с сидения и стукнув в потолок, крикнул Макс, – вы воды хоть дайте! Девушка пить хочет.

Открылся потолочный люк и к ногам максима упало что-то бесформенное. Через полсекунды люк снова захлопнулся.

Макс поднял то, что закинули сверху. Больше всего это напоминало небольшой мешок из грубой кожи. Но, судя по всему, в мешок была налита вода. Справившись с хитрым узлом, Макс сделал несколько глотков. Действительно, вода.

– М-м! – отпив, произнесла Галя, – Вкусная-то какая. Надеюсь, не отравленная.

– Очень интересный, однако, способ хранить воду, – Мефодий крутил в руках мешок, – Нетрадиционный. В Азии такое можно встретить. У нас в стране, кажется, такое не практиковали. А на монголов наши, назовем их так, новые друзья не похожи.

– Да, я тоже об этом подумала, – Галя снова стала смотреть сквозь щели на деревья, проползающие мимо, – у меня такое ощущение, что мы представляем для них какую-то ценность. Несмотря ни на что, они очень бережно с нами обращаются. Одели, воду дали. Да и к автобусу вели, хоть и жестко, но довольно бережно.

– За нас выкуп просить будут? – Рита тоже смотрела на лес, – Кстати, вы не почувствовали, какой тут воздух? Прямо, пьянящий.

– Или ты просто не до конца отошла от того, чем нас накачали, – Максу было совсем неинтересно, что происходит за окном. Особенно, если учесть, что там не происходило ровным счетом ничего. Обычный лес. Ветки иногда задевали автобус, но это было единственное, что вносило хоть какое-то разнообразие.

Взрыв был внезапным. Автобус тряхнуло, сверху послышались крики.

– Что такое? – Мефодий бросился к переднему окну, – мина?

Четверку коней будто разбросало по сторонам. Трое из них, словно неведомой силой вырванные из упряжки, бросились в разные стороны, а один остался лежать на дороге. На его боку виднелась кровь.

Двое бойцов, держа в руках, что-то наподобие арбалетов, спрыгнули с крыши.

– Держим оборону! – послышался голос пожилого.

– Что там происходит? – взвизгнула Рита, – Что это?

В доску рядом с ней снаружи что-то стукнуло, потом еще раз. Доска треснула, и в разломе был виден острый металлический наконечник.

– Стрелы! – Макс с Галей вылезли со своих кресел и встали посреди салона.

С другой стороны еще несколько стрел ударили в доски.

Один из бойцов упал на землю. Из его головы торчал деревянный стержень с оперением.

– Походу засада! – Мефодий сквозь щели в досках смотрел на арбалет, лежащий рядом с убитым, – И что-то сейчас мне точно не хочется знакомиться с кем-то еще.

С крыши упало тело пожилого. Оставшийся в живых боец пускал стрелы одну за одной в гущу леса.

– Если вы хотите, можете идти за мной, – Мефодий посмотрел на остальных, – что-то мне эта заваруха не нравится.

Мефодий видит треснутую доску. Он со всей силы бьет по ней, и она разлетается на две половины. Вторым ударом он выбивает еще одну. Как же неудобно в этой рубашке! Рыбкой прыгает в окно, хватая с земли арбалет, быстро снимает с трупа сумку. Надеется, что там стрелы. Перекатывается по песку к обочине. Он видит, что следом выпрыгивает Рита. Потом Галя. Потом Макс. Мефодий что-то кричит и, сразу увидев спрятавшегося в ветвях лучника, стреляет в него. Арбалет, хоть и довольно примитивный, но мощный. Лучник падает, ломая кусты внизу.

В сумке действительно были стрелы. На ходу заряжая оружие, он бросается в лес...

ЛЕС

Прекрасен летний лес. Солнечные лучи прорезают кроны деревьев, застревают в иголках сосен, падают вниз на поляны. Ветер шумит где-то вверху, а под деревьями кустики склоняют свои веточки под тяжестью ягод. В лесу тихо, в лесу уютно.

Идешь по тропинке, вдруг видишь солнечные блики на глади озера. Идешь дальше – выходишь к болоту. У болота всегда найдется сваленное сухое дерево, чьи корни неведомым паучьим образом могут напугать заплутавшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.